

ЗАНОЗА

для Тёмного Декана

или Сказка об оживших санюгах

Зоя Голд

Заноза для Тёмного декана, или Сказка об оживших сапогах

<https://litres.ru/74697283>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я — обычный реставратор обуви и мебели, но из-за подлости бывшего жениха на нашей семейной мастерской повис долг в пятьсот золотых. Чтобы спасти больного отца от разорения, я отправилась в Академию Магии на бытовой факультет, но на распределении случайно «починила» древнюю дубовую подставку под Кристаллом. Приёмная комиссия приняла мой скромный дар за редчайшую высшую некромантию! Признаваться в ошибке нельзя: статус адепта Тьмы по закону замораживает все долги семьи. Теперь мне, сапожнику под прикрытием, приходится выдавать обработку кожи воском за тёмное искусство, заставлять учебных скелетов танцевать кадрили, летать над ущельем на костяной виверне и пугать мажоров ожившим запечённым поросёнком. Главное — не выдать себя под ледяным взглядом декана Дерека эль Кроу и выяснить, какая зараза превращает в труху защитные артефакты Академии.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	31
Глава 5	39
Глава 6	46
Глава 7	52
Глава 8	59
Глава 9	65
Глава 10	72
Глава 11	79
Глава 12	85
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Зоя Голд
Заноза для Тёмного
декана, или Сказка
об оживших сапогах

Глава 1

— Если через три месяца у нас не будет патента мастера высшей категории, дочка, этот проныра Бронсон сожрёт нашу мастерскую и даже вывеску с фамильным гербом не оставит, — голос отца до сих пор звучал у меня в ушах, заглушая грохот каретных колёс и унылый скрип потёртых рессор.

Я в очередной раз развернула долговую расписку, нахмурившись от вида чётких, въедливых букв. Пятьсот золотых ливров. Сумма, от одного взгляда на которую у любого нормального реставратора обуви и дубовой мебели судорожно сжималось горло.

Бронсон, мой теперь уже бывший жених и по совместительству редкостная, продуманная дрянь, рассчитал всё идеально. Пользуясь статусом невесты и доверием папы, он полгода назад уговорил его «расширить семейное дело». Убедил взять крупный кредит под залог мастерской в центре Гильдейского квартала, якобы на закупку партии редчайшего драконьего состава для дубления и аренду второго зала. А сам тайно, через подставного банкира, выкупил эти долговые векселя.

Подлый удар он нанёс ровно тогда, когда отец слёг с тяжёлым приступом грудной жабы. Едва папа оказался прикован к постели, Бронсон сбросил маску: мгновенно расторг помолвку («Зачем мне разорившаяся семья?»), а на следую-

ций день прислал судебного исполнителя с требованием погасить весь долг в трехмесячный срок. Ему нужны были не деньги. Ему нужна была наша трёхэтажная мастерская с папиными секретными рецептами составных мазей.

Выход у нас оставался только один — Имперская Академия Магии.

В карете было сыро и зябко. Потянувшись к кожаному поручню над дверцей, я ухватилась за него и привычно, даже не задумываясь, направила в пальцы лёгкий, едва ощутимый импульс силы. Сухая, старая кожа под моими ладонями чуть размякла, напиталась тёплыми бытовыми чарами, перестала противно растрескиваться и въедаться в ладонь.

Вот и весь мой великий дар. Я — мастер бытовой реставрации органики. Я умела сделать так, чтобы старые бабушкины ридикюли выглядели, как только что из ремесленной лавки, разошедшиеся комоды прекращали скрипеть, а сапоги заказчиков становились мягче лебяжьего пуха и никогда в жизни не натирали пятки. Никакого железа, камня или стекла — мой дар откликался исключительно на то, что когда-то было живым: обработанную кожу, дерево, сухие травы, кость и приготовленную еду. Скромно, крайне полезно в быту и абсолютно безвредно для окружающих.

За окном экипажа сквозь серую морось наконец выросли огромные кованые ворота Академии. Высокие каменные башни уходили в туман, а над флюгерами лениво кружили академические горгульи.

— Приехали, барышня! — рявкнул кучер, сбрасывая мой деревянный чемодан прямиком на мокрую брусчатку. — Дальше пешком, у ворот досмотр!

Я вылезла из кареты, подхватила свои пожитки и мысленно пообещала себе, что выдержу эти три года учёбы. Мне зарезервировали место на бытовом факультете. Задумка была проста: поучусь, сдам экстерном предметы, ночами буду брать частные заказы на починку обуви у студентов, чтобы отправлять папе деньги, и получу Главный Патент Мастера Высшей категории.

Этот патент был не просто бумажкой с гербом. По законам Империи он давал мастерской полный налоговый иммунитет на три года и прямой доступ к казённым подрядам — реставрации сёдел королевской кавалерии и паркета в замках. С такими заказами мы с папой закрыли бы долг Бронсона за полгода.

У ворот уже выстроилась внушительная очередь из абитуриентов. Впереди меня стояли две девушки в отглаженных дорожных мантиях. Одна из них, высокая брюнетка с пафосно сложенными на груди руками, свысока оглядела мой скромный шерстяной плащ и слегка подремонтированные, но удобные сапожки.

— Ты на какой факультет, милочка? — с наигранным сочувствием спросила она. — На бытовой? Или на факультет магии кулинарных чар?

— На бытовой, — спокойно ответила я, поправляя съе-

хавший чемодан. — А вы?

— На Боевой Огонь! — гордо заявила она. — Мой отец — капитан гвардии. А кристаллу распределения не прикажешь, он сразу видит истинную природу магии.

— О да, кристалл не ошибается, — поддакнула её подруга. — Прошлым летом одного парня пытались пропихнуть на боевой за деньги, так артефакт вообще позеленел и отправлял его пасти синих коз на факультет травничества!

Я лишь вежливо улыбнулась. Меня синие козы не пугали. Главное, чтобы не трогали и давали спокойно учиться.

Главный холл Академии поражал размахом. Высокие своды, витражные окна с изображениями великих магов прошлого и огромный, переливающийся всеми цветами радуги Кристалл Сущности в центре мраморного помоста. Под кристаллом располагалась массивная подставка, вырезанная из древнего морёного дуба.

Перед помостом суетился седой проректор с длинным свитком в руках.

— Адептка Агнесса Вейн! — воскликнул он.

Боевая брюнетка, стоявшая передо мной в очереди, гордо вскинула подбородок и поднялась на помост. Она положила ладонь на кристаллическую сферу. Артефакт вспыхнул ярким, алым пламенем, выбросив в воздух пару искр.

— Факультет Огня! — провозгласил проректор под аплодисменты зала.

Я поглубже вдохнула, пытаясь унять нервную дрожь. Ру-

ки слегка вспотели. Чтобы успокоиться, я привычно потёрла ладони друг о друга, старая реставраторская привычка перед работой с капризным куском заскорузлой кожи. Моя магия, как обычно, откликнулась тихим, мягким теплом на кончиках пальцев.

— Адептка Маргарита Ренау! — донеслось со сцены.

Ну, подмигнула я себе, пошли за патентом.

Я поднялась по каменным ступеням. Напротив помоста, в тени величественных колонн, стояло несколько деканов. Среди них сразу выделялся один — высокий, с иссиня-чёрными волосами, в строгом тёмном камзоле, застёгнутом на все серебряные пуговицы под самое горло. По его ледяному, абсолютно равнодушному взгляду и мрачному плащу с шитьём в виде серебряных костей несложно было догадаться — это декан факультета Тьмы и Некромантии. Выглядел он так, будто только что похоронил весь мир и теперь искренне досадовал, что сам остался в живых.

Я постаралась на него не смотреть. Мне к тёмным не надо. Мне бы к деревяшкам да сапогам.

— Положите правую руку на сферу, адептка, — сухо командовал проректор.

Я подошла к артефакту и опустила ладонь на прохладное гладкое стекло.

И вот тут всё пошло совсем не так, как планировалось.

Из-за дикого волнения я банально забыла «отключить» свой привычный рабочий импульс, тот самый, который по-

сылаю в сухую органику, когда нужно скрепить разошедшиеся волокна или размягчить заскорузлую кожу. Моя бытовая магия мягкой волной выплеснулась из ладони прямо в структуру артефакта.

А подставка Кристалла, между прочим, была вырезана из древнего морёного дуба трехсотлетней выдержки.

Сухая, веками спавшая древесина под Кристаллом жадно впитала мой реставрационный импульс. В глубине подставки что-то тихо, сочно хрустнуло. Древние дубовые волокна мгновенно расправились, напитались силой, и массивное деревянное основание... едва заметно, буквально на полсантиметра, выпрямилось и вздохнуло!

Кристалл от такого отклика мёртвой органики сошёл с ума.

Радужное свечение погасло за долю секунды. Сфера налилась густой, непроницаемой тьмой, а затем выбросила не мягкий свет, а суровый, иссиня-фиолетовый сполох. По мраморному помосту мгновенно пополз лёгкий морозный иней.

Зал замер. Проректор уронил свиток. Очки съехали на самый кончик его носа.

— Милосердные боги... — заикаясь, выдохнул он, глядя на тёмный иней. — Невероятно... Полный резонанс с омертвевшей органической материей! Глубинный импульс контроля Тьмы!

— Что? — переспросила я, ощущая, как внутри всё похолодело. — Какой импульс?! Я бытовой реставратор! Я туфли

чину!

Но меня уже никто не слышал.

— Высшая некромантия и органомантия Тьмы! — на весь холл возгласил проректор, судорожно вычеркивая меня из списка бытовиков. — Зачислена на Высший факультет Тьмы!

Зал ахнул. Адептка Агнесса у подножия сцены медленно открыла рот.

Я стояла на помосте, сжимая в руках свой чемоданчик, и с ужасом смотрела, как от колонны медленно отделился тот самый мрачный декан. Он подошёл к помосту, смерив меня долгим, въедливым взглядом серых, как грозовое небо, глаз.

— Невероятно редкий, глубокий дар работы со структурой умершей органики, — тихо, но так, что у меня мурашки побежали по спине, произнёс он. — Меня зовут магистр Дерек эль Кроу. И вы, адептка Ренау... с этого дня под моим личным присмотром.

Я открыла рот, чтобы сознаться, закричать, что это ошибка, что я просто оживила сухие дубовые доски в подставке... и вдруг осеклась.

В голове мгновенно всплыла строчка из свода Законов Империи. Параграф тридцать два, о защите Военных Магов и Тёмных Некромантов: *«Имущество и мастерские близких родственников адептов Высшего Факультета Тьмы и Министерства Оборона наделяются полной юридической неприкосновенностью. Все судебные иски, долги и конфиска-*

ции замораживаются на весь период обучения адепта».

Я замерла.

Это же означало... что Бронсон прямо сегодня умоется слезами! Судебные исполнители не смогут забрать у отца ма-стерскую ни через месяц, ни через год! Пока я числюсь у некромантов, мы неприкасаемы!

Я посмотрела на строгий камзол магистра, на его ледяные серые глаза, вспомнила про папины долги, пятьсот золотых и свой единственный навык оживлять сапожные стельки.

Уголок моего рта дёрнулся в обречённой, но очень вежливой улыбке.

— Я сделаю всё возможное, чтобы оправдать ваше доверие, магистр эль Кроу, — с самым мрачным и загадочным видом, на который только была способна, произнесла я.

И только про себя добавила: *«Господи, лишь бы они не попросили меня прямо завтра выкопать из земли настоящего дракона...»*

Глава 2

Магистр Дерек эль Кроу никак не отреагировал на мою обречённо-вежливую улыбку. Он стоял у самого края помоста, и теперь, оказавшись к нему так близко, я почувствовала, что от его чёрного, расшитого серебром камзола веяло настоящим могильным холодом. Мне, как мастеру-ремесленнику, отчаянно захотелось немедленно достать из чемодана баночку с тёплым воском и натереть его воротник — чисто рефлекторно, чтобы хоть как-то смягчить эту суровую, ледяную фактуру.

— Ваша аура... весьма специфична, адептка Ренау, — его голос прозвучал низко, с лёгкой, пробирающей до костей хрипотцой. — В ней нет привычной агрессии, но присутствует глубинная, затаённая тяга к мертвому.

Я сглотнула, крепче вцепившись в ручку своего чемодана. Конечно, там была тяга к мёртвому. Внутри лежали три пары убитых в хлам сапог, которые я обещала починить за пару серебряных монет ещё до отъезда, и отличный кусок старой свиной кожи.

— Это... семейное, магистр, — выдавила я, стараясь придать лицу максимально непроницаемое выражение. Раз уж я решила играть роль тёмной жрицы ради юридической неприкосновенности папиной мастерской, отступить было некуда. — Мы предпочитаем не разбрасываться силой понапрасну.

Тонкая, едва заметная усмешка тронула губы декана.

— Похвальный контроль. Большинство новичков не могут удержать свой дар, фонтанируя проклятиями на каждом шагу. Вы же держали свою Тьму на таком коротком поводке, что она казалась почти... бытовой.

У меня внутри всё оборвалось. Раскусил?!

— Но сегодня вы потеряли бдительность, — продолжил он, к моему невероятному облегчению. — Кристалл обнажил вашу истинную суть. Завтра на рассвете я жду вас на Полигоне Истлевших Костей. Мы проверим ваш первичный призыв. Я хочу посмотреть, сможете ли вы поднять хотя бы низшего упыря. А пока староста проводит вас в Башню Теней. Ваша комната триста тринадцать.

С этими словами эль Кроу резко развернулся, взмахнув полами своего роскошного плаща, и грациозно растворился в тенях коридора.

Я осталась стоять на помосте, чувствуя, как по спине стекает холодный пот. *Низшего упыря. Завтра утром.* Мне предстояло поднять из мёртвых то, что я никогда в жизни не видела, не то, что не пыталась оживить! Если, конечно, на полигоне случайно не завалялся старый кожаный диван, вот его я бы подняла с лёгкостью.

Староста факультета Тьмы — бледный, тощий парень с мешками под глазами такого размера, что в них можно было прятать шпаргалки — проводил меня до общежития в полном молчании. Наш путь пролегал через всю Академию. Я с

тоской смотрела на залитые солнцем окна корпуса Бытовой Магии, где румяные студентки левитировали швабры и весело щебетали о рецептах заварного крема.

Башня Теней встретила меня сыростью, полумраком и запахом старой пыли, смешанным с ароматом сушёной полыни. На стенах вместо картин висели жутковатые гобелены, а факелы горели неестественным зеленоватым светом.

Дверь с номером «313», выкованным из чёрного железа в виде переплетённых костей, поддалась со скрипом.

Я шагнула внутрь и тут же вздрогнула. На одной из двух узких кроватей, подтянув острые коленки к подбородку, сидело нечто бледное, растрёпанное и тихо подвывающее.

— Эм... добрый день? — осторожно поздоровалась я.

Нечто подняло голову. Это оказалась щупленькая девушка. У неё были огромные, испуганные глаза на абсолютно белом лице и длинные, спутанные пепельные волосы.

— Ты... ты новая соседка? — пискнула она, и в её голосе проскользнули такие высокие, резонирующие нотки, что стеклянный графин на столе жалобно звякнул.

— Маргарита, — я поставила чемодан на пол и с облегчением выдохнула. — Можно просто Марго. А ты?

— Дора, — девушка шмыгнула носом. — Дора эль Ванте. Я банши.

— Банши? — я удивленно приподняла бровь. — Разве вы не должны наводить ужас своими криками и предвещать гибель?

Дора судорожно всхлипнула и закрыла лицо руками.

— В том-то и дело! Я боюсь громких звуков! Как только я пытаюсь перейти на инфразвук, у меня начинает жутко болеть голова. Наш декан, магистр эль Кроу, сказал, что, если я до конца семестра не разобью криком хотя бы парочку витражей в главном зале, меня отчислят за профнепригодность. А я... я даже мышей боюсь!

Моё сердце дрогнуло от сочувствия. Кажется, на этом пугающем факультете не я одна занимала чужое место.

— Не плачь, — я подошла к ней и ободряюще похлопала по плечу. — Что-нибудь придумаем.

Я обернулась к своему чемодану, собираясь достать вещи. От сырости в башне старые кожаные ремни на нём сильно разбухли, а металлические пряжки заело намертво. Обычный человек провозился бы с ними минут десять, ломая ногти и проклиная всё на свете.

Но я была реставратором.

Привычным, отработанным годами жестом я щёлкнула пальцами и направила крошечный импульс силы прямо в высушенную кожу чемодана. Ремни мгновенно смягчились, заскорузлые края разгладились, и они сами, с мягким шелестом, выскользнули из металлических петель. Крышка радостно откинулась назад.

За моей спиной раздался сдавленный писк. Я обернулась. Дора смотрела на мой чемодан глазами размером с чайные блюдца.

— Т-ты... ты подчинила мёртвую плоть животного без единого заклинания! — прошептала она, вжимаясь в стенку. — Даже не произнесла формулу некро-контроля! Просто... щёлкнула пальцами!

Я мысленно хлопнула себя по лбу. Точно. Для неё это было не размягчение старой коровьей кожи, из которой сшили мой багаж. Для неё это выглядело как высший пилотаж тёмного искусства бессловесного подчинения.

— Это... эм... ментальная привязка материи, — ляпнула я первое, что пришло в голову, напуская на себя загадочный вид. — Древняя техника. Не бери в голову, Дора.

Банши посмотрела на меня с таким искренним благоговением, словно я была самым воплощением древнего зла, сошедшим со страниц запретных гримуаров.

— Я слышала, что на распределении ты чуть не взорвала Кристалл, — восторженным шёпотом продолжила она. — Говорят, ты тайная наследница древнего рода личей! Это правда?

— Врут, — честно вздохнула я, раскладывая свои скромные шерстяные платья на полки рассохшегося шкафа. Шкаф неприятно закрипел, и я едва удержалась от того, чтобы не послать лечебный импульс в его деревянные петли. Не хватало ещё, чтобы соседка решила, будто я оживляю мёртвые деревья силой мысли. — Я из простой семьи.

— Какая потрясающая маскировка! — восхитилась Дора, совершенно проигнорировав правду.

Я лишь покачала головой. Разубеждать её было бесполезно, да и, честно говоря, опасно. Чем больше безумных слухов о моей «великой и ужасной» силе будет ходить по Академии, тем дольше я продержусь здесь. Главное, чтобы эти слухи поскорее дошли до Гильдейского квартала и ублюдка Бронсона. Пусть знает, что с бывшей невестой-некроманткой шутки плохи.

Обустроив свой скромный угол, я села на жёсткую кровать и уставилась в серую каменную стену. Проблема завтрашнего утра никуда не исчезла.

Полигон Истлевших Костей. Первичный призыв. Магистр эль Кроу.

Я перевела взгляд на свои разложенные инструменты. В чемодане лежали баночки с воском, суровые нитки, набор шильев и старая, выдававшая виды кроличья лапка, которой я обычно полировала готовую обувь до зеркального блеска.

Я взяла лапку в руки. Сухой, выделанный мех приятно пощекотал пальцы.

— Посмотрим, на что мы с тобой способны в боевых условиях, — пробормотала я себе под нос.

Я закрыла глаза, сосредоточилась и послала тонкую струйку магии прямо в кроличью лапку. Сила привычно потекла по венам, теплая и податливая. Я представила, как высохшие сухожилия внутри маленькой лапки натягиваются, словно струны старой лютни.

Лапка в моей руке ощутимо дрогнула. Затем изогнулась.

А потом резко, с неожиданной прытью, вырвалась из пальцев и поскакала по столу, смешно и звонко постукивая коготками по дереву.

Дора, увидев скачущий кусок меха, издала короткий, ультразвуковой визг, от которого на окне пошла паутиной трещина, и с головой нырнула под толстое шерстяное одеяло.

Я же с искренним облегчением рассмеялась, поймав лапку, которая уже активно пыталась забраться в графин с водой. Завтрашний день обещал быть катастрофически сложным, но у меня появился план. Если высшая некромантия — это искусство управлять смертью, то моя бытовая реставрация — искусство не давать вещам окончательно развалиться.

А уж в том, чтобы не развалиться самой под ледяным, пронизывающим взглядом магистра Кроу, я собиралась стать настоящим мастером.

Глава 3

Рассвет над Академией выдался сырым и откровенно промозглым. Туман на Полигоне Истлевших Костей стоял такой плотный, что в паре шагов надгробия казались сторбленными силуэтами великанов, а земля под ногами больше напоминала чёрную жижу из могильной глины.

Рядом со мной мелко дрожала Дора. Банши закуталась в серый шерстяной шарф по самые глаза и вздрагивала от каждого карканья невидимых в тумане ворон.

— Мы все умрём, — шёпотом возвестила она в ткань шарфа. — Я чувствую ауру гибели. Точно говорю.

— Мы на кладбищенском полигоне, Дора, здесь у всего аура гибели, — шёпотом отозвалась я, осторожно переступая через очередную подозрительную кочку.

Мои отремонтированные сапожки держались молодцом, не пропуская влагу благодаря тонкому слою восковой пропитки, чего нельзя было сказать об обуви остальных студентов.

— Это просто возмутительно! — раздался впереди капризный, звонкий девичий голос. — Кто составлял расписание? Вивиан, держи щит ровнее, на меня капает!

Из клубов тумана вынырнули две незнакомки. Впереди, безгловно приподнимая подол длинного платья из чёрного шёлка, шествовала высокая, эффектная брюнетка. На её пле-

чах лежал роскошный воротник из меха редкой чернобурки, а талию стягивал широкий корсет из полированной тиснёной кожи. Следом за ней семенила пухлая блондинка с магическим светящимся зонтиком в руках.

Дора рядом со мной вдруг судорожно втянула воздух и вцепилась мне в рукав.

— Ой, мамочки... — еле слышно пролепетала банши мне на ухо. — Это Селеста Блэквуд. Её род держит половину проклятий в Империи, она тут вроде королевы курса. Если ты ей не понравишься, сживёт со свету. А с зонтиком — её тень, Вивиан...

Брюнетка тем временем остановилась и смерила нас с Дорой одним-единственным взглядом. Ледяным, как прошлогодний снег.

— Какая прелесть, — протянула она, кривя пухлые губы и глядя на мой скромный шерстяной плащ. — Слухи не вдали. В Башню Теней действительно заселили какую-то бродяжку с чемоданом из парусины. Твоя мантия оскорбляет моё чувство прекрасного.

Вивиан послушно захихикала за её спиной, едва не выронив зонт.

Я уже открыла рот, чтобы выдать что-нибудь язвительное, но меня опередил сочный, громкий хруст.

На ближайшем могильном камне, свесив ноги в массивных армейских ботинках на шнуровке, сидела незнакомая девушка с коротко стриженными рыжевато-русыми волоса-

ми. Она смачно откусила половину крупного красного яблока, совершенно не обращая внимания на сырость.

— Блэквуд, твоё чувство прекрасного оскорбляет даже дворовых собак, — меланхолично произнесла рыжая, жуя. — И вообще, ослабь шнуровку на корсете. У тебя уже лицо синее, кровь к мозгу не поступает.

Затем она перевела цепкий, смешливый взгляд на меня:

— Привет, новенькая. Я Бриджит, можно просто Бри. Бутерброд с ветчиной будешь?

Бриджит ловко выудила из кармана безразмерной куртки плотно завернутый в пергамент свёрток.

— Не откажусь, — я благодарно улыбнулась, сразу проникшись к этой невозмутимой девице искренней симпатией. — Я Марго.

Селеста зашипела, как рассерженная гадюка, но ответить не успела. Туман позади нас заколыхался, и послышался глухой, размеренный стук трости о брусчатку.

— Тишина, дамы. Смерть не терпит базарного шума.

Из белёсой пелены величаво выплыл молодой человек в длинном бархатном плаще с кроваво-алым подбоем. Лицо у него было аристократически бледным, глаза подведены чёрным углём, а набалдашник трости красовался в виде серебряного черепа с рубиновыми глазами.

— А это еще кто? — тихо шепнула я на ухо Доре.

— Кассиан де Морт, — с благоговейным ужасом прошептала банши. — Главный мажор и «гений» тёмного факульте-

та. Считает себя чуть ли не перерождением древнего лича.

— Ах, этот запах влажной земли и тлена... — проникновенно вздохнул де Морт, картинно приложив бледную руку к груди. — Настоящая музыка первозданной Тьмы.

— Ага, особенно запах перегоя, — громко хмыкнула с надгробия Бриджит. — Кассиан, ты опять по маминым духам прошёлся перед полигоном? От тебя некромантией несёт меньше, чем от цветочной лавки.

Шедший следом за Кассианом парень, судя по всему, его верный подпевала, попытался грозно нахмуриться, но остушился в лужу, смачно хлюпнул и едва не полетел носом в грязь. Кассиан поморщился с таким видом, будто грязь лично нанесла ему смертельное оскорбление, и брезгливо отодвинулся.

И в эту секунду весь полигон разом замолчал.

Температура воздуха упала на несколько градусов. Туман словно испуганно прижался к земле, когда на край каменного парапета ступил магистр Дерек эль Кроу.

Сегодня декан был в глухом чёрном сюртуке военного кроя, без единой лишней детали, и высоких кожаных сапогах, начищенных до блеска. Его ледяной взгляд прошёлся по шеренге студентов, как лезвие бритвы.

— Доброе утро, адепты, — негромко произнёс он. — Разговоры окончены. Сегодня мы проверяем вашу способность слышать зов истлевшей плоти.

Он указал рукой в сторону глубокого тренировочного рва.

Внутри рва, сваленные в живописную кучу, лежали учебные пособия — десятки скелетов.

Я заглянула вниз и почувствовала, как внутри всё оборвалось. Это были не свежие тела, в которых теплились хоть какие-то остаточные биохимические процессы, а абсолютно сухие, белые кости. Настоящий некромант цеплял бы их своей тёмной силой за остатки посмертного эфира. У меня же не было никакого эфира. Я была реставратором! Даже если бы я послала импульс в самую кость, она бы просто стала крепче и новее, но ни за что бы не согнулась. Чтобы заставить скелет идти, нужны эластичные связки или мышцы, а от них давно ничего не осталось. Старая высохшая кость, потерявшая всю живую влагу, была для моей магии глухой, как булыжник на дороге».

«Всё. Меня отчислят прямо сейчас. Прощай, патент, здравствуй, долговая яма Бронсона...»

— Адепт де Морт, — скомандовал декан. — Продемонстрируйте первичный подъём костяного стража.

Кассиан самодовольно усмехнулся, шагнул вперёд и картинно вытянул руку с тростью. Он зашептал длинное заклинание на древнем мёртвом наречии. Вокруг его пальцев закружились сгустки тёмно-бордовой магии. В яме с протяжным скрипом зашевелились кости. Скелет с явным трудом поднялся на ноги, покачнулся и замер, вытянув руки вперёд.

Кассиан тяжело выдохнул, утёр испарину со лба и бросил торжествующий взгляд на Селесту.

— Неплохо для начала, — сухо оценил магистр Кроу.
— Удержание слабое, шарнирные узлы не стабилизированы, при ударе рассыплется. Но тройку зачту. Следующая...

Серые глаза декана медленно переместились на меня.

— Адептка Ренау. Вчера ваш резонанс потряс приёмную комиссию. Прошу. Покажите, как вы управляете конструктом.

Селеста фыркнула за моей спиной. Кассиан снисходительно скрестил руки на груди.

Я подошла к краю рва, чувствуя, как бешено колотится сердце.

Думай, Марго, думай! На чём вообще держатся эти чёртовы учебные скелеты?! Они же старые, они не могут быть скреплены живыми связками!

Я прищурилась, вглядываясь в пыльную темноту ямы, и едва не вскрикнула от накатившей волны облегчения.

Шарниры! Чтобы учебные кости не рассыпались на куски во время студенческих опытов, мастера-артефакторы Академии скрепили все основные суставы — колени, локти, ребра и позвонки — **толстыми ремешками из сыромятной воловьей кожи** и посадили их на дубовые клинья!

Кожа. И дерево.

Это был мой материал. Родной, знакомый до последнего миллиметра.

Я глубоко вдохнула, сделала самое невозмутимое лицо, на какое была способна, и даже не стала поднимать руки,

как делал Кассиан. Настоящему мастеру не нужны пафосные позы — нам нужна точность.

Я послала тонкую, упругую волну силы прямо в кожаные ремешки ближайшего скелета.

«Сжаться. Натянуться. Держать каркас».

Моя магия мягко вошла в высушенную воловью кожу. Заскорузлые ремни на суставах мгновенно напитались силой, спружили, словно натянутые тетивы боевых луков, и...

Скелет на дне рва не просто встал. Он **выстрелил** вверх!

Раздался оглушительный щелчок натянувшейся кожи. Костяк взлетел на два метра, перемахнул через каменный парапет и приземлился прямо на дорожку полигона.

Я от неожиданности дёрнулась, импульс силы в пальцах дрогнул и... перескочил на максимальное натяжение.

Скелет не стал стоять неподвижно, как унылая кукла Кассиана. Его кожаные связки сжались в бешеном ритме. Он резко взмахнул руками, топнул костяной пяткой и с сумасшедшей скоростью, выделявая ногами нечто среднее между боевым маршем и яростной кадрилию, понёсся прямо на застывших адептов!

— Милосердная Тьма! — взвизгнул спутник Кассиана, с разбегу сигая в кусты.

— Держите его! Он взбесился! — завопил де Морт, отмахиваясь своей драгоценной тростью.

Скелет, повинаясь сокращению тугих ремней, пронёсся мимо парней и на полном ходу затормозил аккурат перед Се-

лестой Блэквуд.

Но на этом моя бытовая магия не успокоилась.

Фон от моего выплеска был настолько плотным, что он неизбежно зацепил органику, которая находилась ближе всего к эпицентру.

А ближе всего был **воротник из чернобурки** на плечах Селесты.

Выделанная лисья шкурка, спавшая мёртвым сном последние пять лет, внезапно почувствовала, как ожили её высушенные волокна. Мех встал дыбом. Мордочка лисы на воротнике широко распахнула стеклянные глазки, оскалила зубы и... с яростным рычанием вцепилась Селесте прямо в кончик холёного носа!

— А-а-а-а! Снимите её! Оно меня жрёт! — завизжала «королева курса», в панике размахивая руками и пытаясь оторвать взбесившуюся шкурку от собственного лица.

Скелет в этот момент радостно клацнул челюстью, сделал на кожаных шарнирах идеальный реверанс и замер по стойке смирно.

Бриджит на своём надгробии зашлась таким диким хохотом, что едва не свалилась вниз.

Я стояла ни жива ни мертва, судорожно оборвав магический поток, и медленно перевела взгляд на магистра эль Кроу.

Декан стоял неподвижно. Чёрный плащ падал строгими складками, на лице не дрогнул ни один мускул.

Одним коротким щелчком пальцев магистр заморозил воротник Селесты, отправив шкурку обратно в спячку, а затем повернулся ко мне.

— Адептка Ренау, — негромко произнес он. — Нестандартно. Чрезвычайно агрессивная динамика и абсолютное пренебрежение техникой безопасности. Займите свое место в строю. Мы продолжим.

Я выдохнула и поспешно юркнула за спину Бриджит, стараясь не отсвечивать.

— Адепт Люциус, вылезайте из крапивы, ваша очередь, — сухо бросил декан.

Люциус, пунцовый от стыда, выкарабкался из зарослей, подошел ко рву и начал торопливо выкрикивать формулы призыва. Но парень так нервничал после моего «танцора», что его темный импульс пошел наперекосяк. Вместо целого скелета со дна ямы поднялась только одна костлявая рука. Она нелепо поползла по камням, запуталась в шнурках Люциуса, и бедолага с глухим воплем снова рухнул на землю, пытаясь отбиться от собственной магии.

— Незачет, — констатировал Кроу, даже не моргнув. — Слабая концентрация. Следующая — адептка эль Ванте.

Дора задрожала всем телом, выходя вперед. Она долго собиралась с духом, закрыла глаза и тоненько, сдавленно пискнула что-то на ультразвуке. Один из черепов в яме мелко завибрировал, подпрыгнул на десять сантиметров... и с глухим стуком раскололся пополам. Банши испуганно ойкнула

и спрятала нос обратно в шарф.

— Допустимо для банши, но над контролем резонанса придётся работать, — вздохнул магистр. — Адептка Бриджит.

Бри прыгнула с надгробия, дожевала яблоко, метко зашвырнула огрызок в кусты и подошла ко рву. Никаких пафосных жестов, никаких латинских стихов. Она просто сложила пальцы в жёсткий замок, направила в ров плотный, густой поток темно-зеленой силы и с глухим хрустом подняла сразу трёх костяков.

— Отличная фиксация суставных узлов, — одобрительно кивнул Кроу. — Сказывается фамильная школа. Высший балл.

Декан окинул взглядом слегка потрепанную группу. Селеста все еще всхлипывала, яростно потирая нос, Люциус отряхивал грязь со штанов, а Кассиан делал вид, что произошедшее его ни капли не волнует.

— На сегодня практическая часть завершена, — подвёл итог магистр эль Кро. — Теоретические выкладки сдадите старосте к вечеру. Адептка Блэквуд — можете зайти в лазарет за заживляющей мазью.

Он повернулся и встретился со мной взглядом.

— А вас, адептка Ренау, я жду сегодня ровно в восемь вечера в моем кабинете. Нам необходимо в индивидуальном порядке обуздать вашу... излишне импульсивную мантику. Не опаздывайте.

Магистр развернулся и четким, чеканным шагом скрылся в тумане.

Бриджит тут же подошла ко мне, с размаху хлопнув по плечу:

— Ну ты даешь, Марго! Оживить меховой воротник прямо на этой фифе — это было легендарно! Но к декану на ковер вечером... я тебе искренне сочувствую. Говорят, из его кабинета ещё никто не выходил с целой нервной системой.

Глава 4

Обеденный зал Академии больше всего напоминал декорации к готическому роману с нотками безумного величия. Четыре бесконечно длинных дубовых стола тянулись через всё помещение, упираясь в витражные окна, за которыми клубился вечный серый туман. Под сводчатым потолком, теряющимся во мраке, вместо привычных люстр плавали сотни магических сфер. Над столом факультета Огня они полыхали красно-золотым пламенем, над головами бытовиков светились мягким домашним золотом, а вот наш, Тёмный стол, освещался призрачным, холодным серебристым светом.

Атмосфера царила под стать освещению. Если за соседними столами стоял гул голосов, смех и звон посуды, то некроманты и проклинатели вкушали пищу с мрачной торжественностью тайного культа.

У меня же от голода предательски урчало в животе, напроць разрушая любой пафос. После утреннего триумфа на полигоне, где я чуть не скормила местную королеву курса её собственному воротнику, аппетит разыгрался зверский.

Мы с Дорой и Бриджит заняли места ближе к краю стола, подальше от элиты курса. Кассиан де Морт сидел во главе, всё ещё пытаясь делать вид, что он властелин мира, хотя грязь с его бархатного плаща так до конца и не отчистилась.

Селесты не было видно, видимо, она всё ещё отсиживалась в лазарете, залечивая покусанный нос.

Еда на столах появлялась прямо из воздуха, стоило лишь подумать о желаемом блюде. И, надо отдать должное академическим поварам, кормили здесь на убой.

Перед нами возникли блюда на любой вкус. Для адептов, следящих за фигурой, появились глубокие чаши-боулы с нарезанным кубиками лососем, свежей зеленью и рисом, а также огромные миски с греческим салатом, щедро посыпанным крупными оливками и овечьим сыром. Чуть дальше исходила паром запечённая курица, источая невероятный аромат пряностей. Я с удовольствием положила себе на тарелку порцию жареных лисичек с картошкой. В качестве напитка я выбрала местный тёмный отвар на лесных травах. После утреннего стресса и в преддверии вечерней встречи с деканом мне просто необходим был успокоительный отвар.

А вот в самом центре нашего сектора, на массивном серебряном подносе, красовалось главное блюдо, общее для всех. Запечённый молочный поросёнок. Он не выглядел пугающе, наоборот, это был на удивление милый поросёнок с блестящей румяной корочкой, аккуратными ушками и запечённым яблоком в зубах.

— Марго, хватит сверлить взглядом этого несчастного хряка, — хмыкнула Бриджит, методично расправляясь со своей порцией. — Ты так на него смотришь, будто планируешь поднять его в качестве зомби-авангарда.

— Я просто задумалась, — уклончиво ответила я, делая глоток отвара.

— Кстати об этом, — Бриджит отложила вилку и с искренним интересом подалась вперёд. — Я всё утро ломаю голову. Как ты обошла блок остаточного эфира на полигоне?

Я поперхнулась отваром. Дора тоже перестала жевать, уставившись на меня своими огромными глазами.

— Блок... чего? — осторожно переспросила я, судорожно соображая.

— Остаточного эфира, — повторила Бриджит, словно это было чем-то само собой разумеющимся. — Старые кости вообще не держат некро-энергию, она сквозь них утекает, как вода сквозь сито. Чтобы заставить их двигаться так быстро, нужна либо сложнейшая руническая вязь для удержания духа, либо привязка на крови. Но ты не делала ни того, ни другого! Ты просто стояла. Какова была формула твоей ментальной матрицы?

Я почувствовала, как по спине поползла капля холодного пота. Матрицы? Эфир? Я просто натянула старые кожаные ремешки на шарнирах силой мысли!

— Моя... формула... — я напустила на себя самый таинственный и надменный вид, вспоминая, как общаются местные мажоры. — Это секрет моей семьи. Мы предпочитаем работать с материей напрямую. Без посредников в виде духов.

— Напрямую с мёртвой плотью? Без призыва? — раздал-

ся надменный голос за моей спиной.

Я обернулась. Кассиан де Морт, опираясь на свою дурацкую трость с черепом, стоял прямо за моей спиной, а по бокам маячили Люциус и ещё пара старшекурсников.

— Это антинаучный бред, адептка Ренау, — процедил Кассиан, высокомерно вздёрнув подбородок. — Я поговорил с магистром. То, что произошло утром — это просто аномальный выброс дикой энергии. Тебе повезло зацепить остаточный фон полигона. Ты не контролируешь Тьму. Ты даже теорию не знаешь.

— Знаю, — возмутилась я, хотя Кассиан был абсолютно прав.

— Да? — мажор хищно улыбнулся. Разговоры за столом стихли, и половина факультета повернулась в нашу сторону. — Тогда докажи. Если ты действительно умеешь работать с мёртвой плотью напрямую, без рун, крови и долгих формул... оживи вот это.

Он театральным жестом указал тростью прямо на запечённого поросёнка в центре стола.

— Подними его, — бросил Кассиан. — Прямо сейчас. Без слов. Покажи нам своё «семейное мастерство», адептка из Башни Теней. Или признай, что ты просто пустышка, которой случайно повезло на распределении.

Бриджит нахмурилась и уже открыла рот, чтобы осадить мажора, но я жестом остановила её. Отступать было некуда. Если я сейчас спасую, они сэживут меня со свету, раскусят

мой обман, и прощай патент. А значит, здравствуй, долговая яма и Бронсон.

Я медленно поднялась со скамьи. Взглянула на поросёнка. Запечённая корочка. Высушенные жаром жилы. Это просто мясо и кожа. Мой профиль.

«Ладно, Марго, — мысленно скомандовала я себе. — Тебе нужно просто заставить его слегка дёрнуть ножкой. Чуть-чуть сократить волокна, чтобы он скрипнул. Этого хватит, чтобы Кассиан подавился своим снобизмом».

Я протянула руку над столом, глядя точно на румяный бок деликатеса. Сосредоточилась, собирая в пальцах привычный реставрационный импульс, который обычно использовала, чтобы размягчить задубевшие сапоги.

Послав магию в поросёнка, я снова недооценила мощь, которую пробудил во мне проклятый академический кристалл.

Вместо лёгкого импульса из моих пальцев вырвался плотный, густой поток концентрированной силы. Он ударил прямо в хрустящую тушку.

Раздался оглушительный хруст запечённых костей.

Поросёнок вздрогнул так сильно, что серебряный поднос под ним жалобно звякнул. А затем, на глазах у всего онемевшего факультета, он с силой выплюнул запечённое яблоко, которое отлетело прямо в лоб Люциусу.

— Во имя Бездны! — пискнул Люциус, хватаясь за ушибленное место.

Поросёнок неуклюже, но очень резво подогнул под себя короткие ножки, упёрся ими в блюдо и вскочил в полный рост. Его зажаренные ушки смешно дёрнулись. Он покрутил румяной головой, вслепую ткнулся пяточком в мою недоеденную тарелку с лисичками, чихнул (при этом из его ноздрей вырвалось облачко ароматного пара с запахом чеснока) и вдруг, издав жутковатый утробный скрип, сорвался с места!

— А-а-а! Он живой! — завизжала какая-то первокурсница, бросаясь под стол.

Подчиняясь сумасшедшему сокращению запечённых мышц, поросёнок галопом понёсся прямо по длинному дубовому столу. Он скакал с грацией взбесившегося табурета, радостно цокая поджаристыми копытцами по дереву.

— Держите эту мерзость! — рывкнул Кассиан, пытаясь ударить поросёнка тростью, но промахнулся и снёс кувшин с тыквенным соком.

Но милый румяный деликатес оказался неуловим. Он ловко перепрыгнул через боулы с лососем, промчался по тарелкам с греческим салатом, разбрасывая оливки во все стороны, и, словно почувствовав самую сильную концентрацию магии, рванул к преподавательскому столу.

Студенты-некроманты, будущая элита Империи, с визгами шарахались от скачущего куска мяса.

— Марго, останови его! — сквозь смех прохрипела Бриджит, утирая выступившие слёзы.

Я в панике пыталась нащупать нить заклинания, чтобы от-

менить приказ, но поросёнок уже разогнался до немыслимой скорости. Добежав до края студенческого стола, он мощно оттолкнулся хрустящими задними лапами и совершил поистине эпический прыжок.

Он летел по идеальной дуге, целясь ровно в центр преподавательского стола. Туда, где с прямой спиной и чашкой чая в руках сидел декан факультета Тьмы.

Время словно замедлилось. Я в ужасе зажмурилась, ожидая, что сейчас милый поросёнок с размаху влетит магистру прямо в лицо.

Но магистр Дерек эль Кроу даже не моргнул. Он не стал доставать палочку и не произнёс ни слова. Декан просто поднял свободную руку.

Пространство перед ним исказилось, сгустившись в плотную стену мрака. Скачущий деликатес врезался в неё, как в бетонную плиту, и мгновенно замер в воздухе, зависнув в паре сантиметров от лица декана.

В зале повисла мёртвая тишина. Слышно было только, как капает разлитый тыквенный сок со стола Кассиана.

Магистр эль Кроу медленно, не меняясь в лице, поставил чашку на блюде. Затем он перевёл взгляд серых, обжигающе холодных глаз прямо на меня, безошибочно вычислив виновницу торжества в толпе застывших адептов. Запечённый поросёнок продолжал безвольно висеть в воздухе рядом с его головой.

Декан поднялся со своего кресла. Его голос ударил по ба-

рабанным перепонкам, как раскат грома:

— Адептка Ренау. В мой кабинет. Живо!

Глава 5

Кабинет магистра Дерека эль Кроу находился на самом верхнем ярусе Башни Теней и выглядел ровно так, как и должен был выглядеть кабинет самого опасного некроманта Академии. Массивные стеллажи из чёрного дерева ломились от жутковатых артефактов, заспиртованных в банках щупалец и фолиантов с такими корешками, на которые лучше было не смотреть перед сном.

Я стояла посреди ковра с глубоким ворсом, переминаясь с ноги на ногу, и старалась дышать через раз.

Декан сидел за своим необъятным столом, сцепив длинные пальцы в замок, и молча изучал меня своими пронизывающими, серыми как грозовое небо глазами. Тишина затягивалась, становясь почти осязаемой.

— Запечённый поросёнок, адептка Ренау, — наконец медленно произнёс эль Кроу. — Боевой запечённый поросёнок, который чуть не снёс мне голову. Вы хоть понимаете, что ваш так называемый «семейный контроль» больше похож на стихийное бедствие?

— Он просто... выглядел пересушенным, магистр, — виновато пискнула я. — Я хотела немного смягчить корочку. Чисто рефлексивно.

Декан тяжело вздохнул и потёр переносицу, словно у него начиналась мигрень. В этот момент он отвлёкся, и мой

взгляд невольно упал на массивный древний фолиант, лежавший на краю его стола.

Как мастер-реставратор, я обладала абсолютным зрением на испорченные вещи. И то, что я увидела, заставило моё сердце кровью облиться. Переплёт книги был выполнен из редчайшей кожи чёрного дракона — материала, который стоил целое состояние. Но сейчас этот шедевр буквально умирал на глазах. По чешуйкам ползла мерзкая, пульсирующая фиолетовая гниль — какое-то чужеродное, едкое проклятие. Оно иссушало кожу, заставляя её трескаться, скручиваться и осыпаться мелкой пепельной трухой. Книга тихо, едва слышно поскрипывала, словно от боли.

— Этот трактат я взял из закрытой секции ректора, — заметил мой взгляд магистр Кроу. Он поднялся с кресла и подошёл к шкафу за своей спиной, звеня ключами. — На него наложено проклятие Иссущения. К утру от драконьей кожи останется лишь пыль, и мне придётся лично объяснять ректору, почему древний артефакт уничтожен. А пока я ищу контрзаклятие...

Он отвернулся к полкам, перебирая стеклянные фиалы.

«К утру от неё останется пыль?! — возмутился мой внутренний сапожник. — Ну уж нет. Только не в мою смену!»

Пока декан стоял ко мне спиной, я сделала бесшумный шаг к столу. Проклятие — это, конечно, магия, но разрушало оно физическую структуру органики. А структуру я восстанавливать умела.

Я быстро положила ладонь на гибнущий драконий переплёт. Кожа под пальцами была сухой, как наждачная бумага. Сосредоточившись, я пустила в неё максимально плотный, но очень аккуратный импульс реставрации. *«Сжаться. Напитаться. Восстановить связи».*

Моя магия мягкой тёплой волной прокатилась по фолианту. Фиолетовая гниль проклятия обиженно зашипела, лишившись физической опоры. Чешуйки дракона жадно впитали мой импульс, мгновенно разгладились, налились глянцевым первозданным блеском, и трещины затянулись намертво. Книга облегчённо выдохнула облачко пыли и замерла в идеальном состоянии.

Я отдернула руку и сделала шаг назад ровно в тот момент, когда эль Кроу повернулся.

Он посмотрел на меня. Потом перевёл взгляд на стол. Замер.

Декан медленно подошёл к фолианту и провёл пальцем по идеальному драконьему переплёту, на котором не осталось ни следа от смертельного проклятия.

— Какая... поразительная у вас рефлексорика, адептка Ренау, — хриловато произнёс он, глядя на меня в упор. — Вы сняли проклятие высшего порядка, даже не шевельнув губами.

— Я не снимала проклятие, честное слово! — испуганно залепетала я. — Я просто починила кожу!

— Идите в свою комнату, Маргарита, — вдруг тихо про-

изнёс декан, садясь назад в кресло. — И молитесь Бездне, чтобы я не решил запереть вас в лаборатории для опытов. Ваша отработка отменяется. Свободны.

Дважды повторять мне было не нужно. Я вылетела из кабинета так быстро, словно за мной гналась стая тех самых упырей, которых я не смогла поднять утром на полигоне.

Оказавшись в прохладном дворе Академии, я наконец-то смогла нормально выдохнуть. Серый академический туман немного рассеялся, уступив место бледному послеобеденному солнцу. Я шла по мощёной дорожке к общежитию, размышляя о том, что моя бытовая магия становится всё более пугающей для окружающих, как вдруг услышала приглушённые всхлипывания.

На кованой скамейке под раскидистым дубом сидела девушка в мантии факультета Зельеварения. Она горько плакала, держа в руках изящную, но безнадёжно испорченную туфельку.

— Что случилось? — участливо спросила я, подходя ближе.

— Мои новые туфли из замши горной серны! — всхлипнула зельеварка, поднимая на меня заплаканные глаза. — Я случайно капнула на них экстрактом кислотной полыни на дневной практике. Они стоили два золотых! А мысок теперь похож на жёваную кору. Меня мама убьёт...

Я профессионально прищурилась. Кислота сильно повредила ворс и иссушила материал, но основа была цела.

— А ну-ка, дай сюда, — деловито скомандовала я, присаживаясь рядом.

Девушка недоверчиво протянула мне туфлю. Я достала из кармана мантии маленькую баночку с остатками обувного воска, мазнула им по испорченному месту и пустила короткий реставрационный импульс. Замша под моими пальцами замурлыкала, волокна распрямились, восстановили цвет и бархатистую текстуру. Через десять секунд туфля выглядела так, словно её только что сняли с витрины самого дорогого бутика Империи.

Я протянула обувь ошарашенной студентке. Та несколько раз моргнула, потрогала идеальный мысок и взвизгнула от радости.

— Великие Боги! Да ты гений! — она торопливо полезла в карман мантии и впихнула мне в ладонь тяжелую серебряную монету. — Держи! И спасибо тебе огромное! У меня на потоке ещё у троих девочек мантии кислотой прожжены, можно я их к тебе пришлю?

— Присылай, — расплылась я в широкой, коммерческой улыбке. — Башня Теней, комната триста тринадцать. Спросить Марго. Для студенток скидка/

Девушка убежала, прижимая туфли к груди, а я осталась стоять посреди двора, подбрасывая на ладони прохладный серебряный кругляш. В голове словно щёлкнул механизм. А ведь это золотая жила! Здесь учатся сотни неуклюжих, богатых мажоров, которые постоянно портят дорогие вещи! Мне

не нужны государственные подряды, чтобы заработать деньги. Если я разверну здесь тайную мастерскую, то пятьсот золотых ливров долга соберутся гораздо быстрее, чем я думала. Выкуси, Бронсон!

Вернувшись в свою сырую комнату номер триста тридцать, я обнаружила, что моя соседка-банши Дора забилась под одеяло с головой — видимо, отходила от стресса после обеденного шоу со скачущим хряком. Стараясь не шуметь, я зажгла настольный светильник, достала из своего холщового чемодана чистый лист пергамента, чернила и села за разошедшийся стол.

«Дорогой папа! — быстро заскрипела я пером. Спешу сообщить, что я благополучно поступила. Правда, Кристалл распределения оказался с лёгким дефектом (я немного помогла ему своей реставрацией), и меня определили на факультет Тьмы. Но это даже к лучшему! Помнишь закон Империи о юридической неприкосновенности имущества тёмных магов? Так вот, наша мастерская теперь под защитой. Бронсону придётся подавиться своими векселями, он не заберёт у нас ни гвоздя. Учёба здесь... специфическая. Сегодня на практике я случайно заставила учебный скелет танцевать кадрили, а за обедом немного переборщила с магией, и наш запечённый поросёнок убежал со стола. Декан у нас очень строгий мужчина в чёрном, но, кажется, я нашла к нему подход — сегодня тайно починила ему дорогую книжку, и он даже не стал меня наказывать. А ещё я

нашла способ заработать! Местные студенты постоянно портят обувь зельями и проклятиями, так что без заказов я не останусь. Береги здоровье, пей свои настойки и не волнуйся за меня. Я обязательно получу патент. Твоя боевая некромантка (сапожник под прикрытием), Марго».

Я аккуратно свернула письмо, капнула на него воском и счастливо улыбнулась. Жизнь на факультете Тьмы определенно начинала играть новыми, блестящими, как отполированный сапог, красками.

Глава 6

Слава бежала впереди меня. Не успела я запечатать сургучом письмо отцу и спрятать его на дно своего холщового чемодана, как в массивную дубовую дверь комнаты триста тринадцать робко постучали.

Моя соседка Дора, которая только-только высунула нос из-под тёплого одеяла после обеденного шоу со скачущим хряком, снова тихонько взвизгнула и спряталась обратно. Банши панически боялась любых неожиданностей.

Я с подозрением приоткрыла дверь. На пороге, нервно озираясь по сторонам, топталась стайка студентов в мантиях факультетов Зельеварения и Артефакторики. В руках они сжимали разнообразные свёртки и пакеты.

— Это здесь живёт тёмная леди, которая... э-э-э... исцеляет вещи? — шёпотом спросила пухленькая девушка, прижимая к груди кожаную сумку с оторванной ручкой.

Я оглянулась на трясущийся холмик на кровати Доры, мысленно прикинула свои финансовые перспективы и распахнула дверь пошире.

— Тёмная леди принимает до отбоя. Проходите, только тихо.

За следующие два часа моя сырая, пропахшая полыньёю комната превратилась в филиал элитной ремесленной мастерской. Я принимала заказы с предельно деловым видом,

восседаю на своей скрипучей кровати как на троне. Мой дар, который на полигоне пугал окружающих до икоты своей агрессивной мантикой, здесь работал идеально и безотказно.

Одна из студенток с чуть не плачущим видом выложила на стол роскошный свитер крупной вязки из натуральной шерсти альпаки. Вещь была потрясающей работы, но сейчас больше напоминала одежду для куклы.

— Мой парень на практике по стихийной магии случайно задел его заклинанием усушки, — шмыгнув носом, пожаловалась девушка. — А он стоит целое состояние!

Шерсть. Натуральная органика. Легкотня.

Я положила крошечный, сжавшийся свитер на стол, напустила на себя суровый вид — исключительно ради поддержания репутации адептки Тьмы, и послала в переплетённые нити расслабляющий реставрационный импульс. Шерсть альпаки под моими руками буквально вздохнула. Пересушенные волокна напитались магией, расправились, и свитер с мягким, уютным шуршанием растянулся до своего идеального, первозданного размера, став ещё более пушистым, чем был при покупке.

Студентка ахнула, схватила вещь, прижала к щеке и, не торгуясь, положила на стол звонкий золотой ливр.

К полуночи поток клиенток иссяк, а у меня в кармане мантии тяжело позвякивала целая горсть серебра и парочка золотых монет. Долг Бронсону в пятьсот ливров уже не казался таким пугающим и неподъёмным. Если дело пойдёт такими

темпами, я выкуплю мастерскую отца ещё до первых зимних экзаменов!

Чтобы как-то отпраздновать первую прибыль и сделать наше мрачное жилище чуть уютнее, я обратила внимание на забытую кем-то из прошлых жильцов кадку на подоконнике. В ней торчал абсолютно сухой, мёртвый ствол некогда красивого комнатного миртового дерева. Оживить его по-настоящему я, конечно, не могла — для этого требовалась магия Природы, а не моя реставрация. Но я пустила по высохшей древесине плотный поток силы.

Мёртвый ствол мирта мгновенно потемнел, покрылся благородным глянцем, а его ломкие, безжизненные ветки изящно изогнулись, становясь прочнее.

Утром иллюзия того, что я просто открыла прибыльный подпольный бизнес, разбилась о жестокую реальность академического расписания. Первой парой у нас стояла дисциплина с жизнеутверждающим названием «Основы некроконструирования».

Аудитория напоминала огромный амфитеатр, вырубленный прямо в чёрной базальтовой скале. За массивной каменной кафедрой возвышался профессор Мортимер — худой как жердь старик с кожей цвета пергамента, глубоко посаженными жёлтыми глазами и аурой человека, который лично помнил основание Империи.

Слухи о том, что первокурсница с факультета Тьмы заставила древний Кристалл почернеть, подняла бешеного скеле-

та и оживила запечённое мясо прямо на обеденном столе, явно дошли и до него.

Профессор обвёл класс тяжёлым, немигающим взглядом. Он проигнорировал тянущего руку Кассиана де Морта, который снова нацепил свой бархатный плащ с кроваво-алым подбоем, и уставился прямо на меня.

— Адептка Ренау, — скрипучий голос преподавателя эхом отскочил от каменных сводов. — Раз уж вы продемонстрировали столь выдающееся пренебрежение техникой безопасности на вчерашней практике, ответьте на простейший теоретический вопрос. Каков первый и самый важный этап при подготовке мёртвого тела к созданию долговечного косяного стража?

В аудитории повисла звенящая, напряжённая тишина. Селеста Блэквуд, чей укушенный взбесившимся воротником нос сегодня украшал аккуратный лечебный пластырь, мстительно и радостно усмехнулась. Все ждали моего сокрушительного провала.

Я понятия не имела, что делают некроманты со своими зомби. Зато я отлично знала, что делает хороший ремесленник перед пошивом качественных сапог, которые не развалятся после первой же лужи.

Я медленно встала из-за парты, расправила плечи и посмотрела профессору прямо в его жуткие желтые глаза.

— Выделка и дубление основы, профессор, — ровным, уверенным голосом произнесла я.

По рядам прокатился удивлённый шепоток. Кассиан презрительно фыркнул, а его вечный подпевала Люциус закатил глаза. Но Мортимер не стал меня перебивать. Он лишь слегка приподнял кустистую седую бровь, призывая продолжать.

— Видите ли, — я включила свой лучший, снисходительный тон мастера-консультанта, объясняющего клиенту, почему его обувь пришла в негодность. — Нет никакого смысла вливать магическую энергию в сырой, неподготовленный материал. Если волокна не зачистить от лишней гниющей органики, они просто расползутся при первом же серьёзном физическом усилии вашего стража. Костяк и связки необходимо тщательно просушить, а затем обработать дубильным составом, чтобы придать им эластичность и устойчивость к агрессивной боевой среде. А главное — нужно укрепить шарнирные узлы. Иначе ваш хваленый страж буквально порвётся по швам, едва попытается пробежаться.

Я говорила о базовых правилах подготовки воловьей кожи для обувного производства, но в мрачном контексте лекции по некромантии это прозвучало так, будто я с пелёнок собственноручно препарировала и сшивала трупы в подземельях своего родового замка.

Профессор Мортимер молчал целую минуту. Его жёлтые глаза расширились, а тонкие губы дрогнули.

— Потрясающе, — наконец выдохнул он. — Какой невероятно прагматичный, холодный и циничный подход к священному искусству Смерти! Большинство современных

адептов витают в облаках тёмных энергий, забывая о банальной физике и сопротивлении мёртвого тела! Вы зрите в самый корень проблемы, адептка Ренау. Дубление связок и укрепление шарниров перед призывом духа... Гениально в своей безжалостной простоте! Двадцать баллов факультету Тьмы!

Челюсть Кассиана с тихим, отчётливым стуком встрети­лась с поверхностью дубовой парты. Бриджит, сидевшая справа от меня, затряслась в беззвучном хохоте, уткнувшись лбом в толстый конспект, чтобы не расхохотаться в голос.

Я грациозно села на своё место, сохраняя на лице маску ледяного аристократического превосходства, хотя внутри у меня всё ликовало.

Глава 7

Профессор Мортимер, выдержав театральную паузу после моего блестящего ответа про «дублирование трупов», удовлетворённо кивнул и перешёл к практической части.

Кассиан де Морт, сидевший впереди, тут же закатил глаза в экстазе, поднял руки и забормотал что-то на латыни. Кости в его ящике засветились бордовым светом, со щелчками сложились в подобие ворона, который хрипло каркнул и взлетел под потолок, роняя труху. Бриджит, не переставая жевать вяленое мясо, просто щёлкнула пальцами и её кости идеально ровно собрались в крысу, которая послушно села на задние лапки.

Я сглотнула и уставилась в свой ящик. Мелкие, сухие косточки. Никаких толстых ремней, как на учебных скелетах. Никакого запечённого мяса, как на том злополучном поросёнке. Просто кальций. Моя магия реставрации с этим не справится!

Я в панике поковыряла кости пальцем. И тут мой профессиональный взгляд зацепился за детали, которые нормальный человек бы просто проигнорировал. На суставах этих древних крысиных лапок сохранились крошечные, высохшие до состояния камня кусочки хрящей и сухожилий!

Я глубоко вдохнула, прикрыла глаза и пустила по костям тончайшую, словно паутина, нить своей магии, цепляясь ис-

ключительно за эти микроскопические остатки сухожилий.

В ящике раздался тихий треск. Кости стремительно слепились воедино, натянутые моей магией, как струны. На парте стоял целый крысиный костяк.

Но теперь его нужно было заставить сделать шаг. А для этого нужно было поочередно сокращать и расслаблять микроскопические связки, играя в кукловода. Я направила импульс в правую лапку, но, видимо, от нервов переборщила с мощностью.

Сухожилия резко сжались. Крыса конвульсивно дёрнулась, подпрыгнула на месте, словно сломанная заводная игрушка, её челюсть с громким механическим клацаньем захлопнулась, и...

Хрупкие, пересушенные временем связки просто не выдержали моего реставрационного напряжения.

Раздался громкий, сухой хлопок. Крыса буквально взорвалась! Её разорвало на сотни мелких осколков прямо у меня на парте. Осколок черепа просвистел в воздухе и со звоном угодил прямо в хрустальную чернильницу Кассиана, обдав его дорогой плащ чернильными брызгами.

Мажор взвизгнул, отскакивая от парты, а я вжала голову в плечи, ожидая неминуемого отчисления.

— Типичная ошибка новичка, — проскрипел профессор, безглаголиво смахнув костяную крошку с парты. — Вы влили слишком много сырой энергии в хрупкий сосуд, адептка Ренау. Мощь без филигранной точности ведёт лишь к бессмыс-

ленному разрушению. Очевидная нехватка практики. Именно для этого мы все здесь и собрались — учиться контролировать свою Тьму, а не взрывать учебные пособия. Незачет.

Я выдохнула с невероятным облегчением. Незачет — это ещё не отчисление!

В этот самый момент над сводами Академии раздался густой, вибрирующий удар гонга — звонок с пары. Я с облегчением сгребла сумку и выскользнула в коридор.

На улице ярко светило солнце, пробиваясь сквозь вечный академический туман. Мы с Бриджит и Дорой шли по вымощенному камнем двору, направляясь к Башне Теней.

— Слушай, Марго, это было эпично! — хохотала Бриджит. — Лицо Кассиана, когда в него прилетел крысиный череп — это просто искусство!

Я уже собиралась ответить, как вдруг путь нам преградила девушка.

Она была похожа на ожившее пирожное: мантия факультета Света, идеальные золотистые локоны, розовый бант на шее и огромный планшет с пергаментными в руках.

— Внимание, adepts Высшей Тьмы! — пропела она звонким голосом, перегородив дорогу не только нам, но и шедшей позади свите Кассиана де Морта. — Я Лили, староста Спортивного Комитета! Через неделю состоится ежегодное Дерби Химер! Ваш факультет уже три года подряд не может выставить Наездника. Если вы снова откажетесь от участия, с вашего факультета снимут двести баллов!

Дерби Химер? Я вопросительно посмотрела на Бриджит.

— Местный экстремальный спорт, — мрачно пояснила девушка. — Каждый факультет создаёт своего огромного ездового монстра, используя только профильную магию, и гоняет на нём по воздушной трассе над ущельем. Боевики летают на огненных саламандрах, артефакторы — на стальных големах, а мы обязаны поднимать мёртвых виверн.

— И в чём проблема? — не поняла я. — Подняли и полетели.

— Проблема в физике! — фыркнула Бриджит. — Наша магия — это энергия смерти и распада. Во время скоростного полёта химера испытывает дикие аэродинамические перегрузки. Чтобы монстр не развалился на ходу, наездник должен непрерывно вливать в него Тьму, а старые мёртвые кости от этого только быстрее гниют и лопаются! Три года подряд наши наездники с позором падали в ущелье на первом же вираже. Это смертельно опасно!

— Нам нужен доброволец! — не унималась Лили, размахивая пером. — Кто готов защитить честь Тьмы?

Все студенты-некроманты разом отвели глаза и сделали вид, что очень спешат. Никто не хотел ломать шею.

И тут из-за моей спины раздался еле слышимый, сочащийся ядом голос Кассиана:

— О, Спортивный Комитет! Нам несказанно повезло. В этом году у нас появилась уникальная адептка. Она ведь так лихо управляется с костями... хоть и взрывает их иногда. Фа-

культет Тьмы выдвигает Маргариту Ренау!

Кассиан победно улыбнулся, глядя на меня. Подлец всё рассчитал: если я выйду на трек, химера сбросит меня на первом же вираже, и выскочка из Башни Теней не просто опозорится, но и вылетит из Академии с позором.

— Я? Я не умею летать на... — начала было отрещиваться я, но Лили уже восторженно захлопала в ладоши.

— Ой, как замечательно! Маргарита Ренау, записала! — она быстро чиркнула пером. — Знаешь, Наездникам положены огромные привилегии! Участник Дерби получает абсолютный иммунитет от отчисления на весь семестр, а также двойную стипендию из фонда ректора!

Слова «иммунитет от отчисления» сработали на меня как гипнотический приказ. Если меня нельзя отчислить целый семестр, значит, я гарантированно сохраню статус. Значит, Бронсон не просто пойдёт лесом со своими долгами — он в этом лесу заблудится и сгинет! А стипендия пойдёт на покупку редких красок для папиной мастерской.

— Знаете что? — я гордо вздёрнула подбородок, глядя прямо в ошарашенное лицо Кассиана. — Я согласна. Я буду вашим Наездником.

Мажор скривился, словно проглотил лимон.

— Вот и отлично! — пропела Лили. — Твоя первая тренировка прямо сейчас! Иди к Южному Загону, твоя Химера и твой личный Тренер уже там!

До Южного Загона мы с Бриджит дошли в полном молча-

нии. Мой кратковременный энтузиазм начал стремительно угасать, уступая место панике. Химеры? Монстры? Я ведь всего лишь сапожник! А если я погибну?

Мы толкнули тяжёлые кованые ворота и вошли под своды огромного, мрачного ангара.

В самом центре арены, прикованная цепями к вбитым в камень столбам, стояла она. Химера факультета Тьмы.

Это был жуткий, гротескный монстр размером с тяжело-воза — поднятый из мёртвых костяк древней виверны.

Монстр не был соткан из нематериального мрака или демонической плазмы. Его каркас состоял из гигантских, потемневших от времени костей, которые по плотности давно напоминали старое морёное дерево. Суставы твари были туго переплетены массивными, мумифицированными сухожилиями — а для хорошего ремесленника старое сухожилие ничем не отличается от толстого, невыделанного кожаного ремня! Сложенные же за спиной крылья оказались просто гигантским каркасом, обтянутым пересушенной, как пергамент, драконьей перепонкой.

«Старая кость, мумифицированная кожа и сухие перепонки, — ликующе подумала я. — Боги, да для некромантов это жуткая нежить, а для меня — просто огромный, рассохшийся дельтаплан из натуральных материалов! Я заставлю эту штуку не просто летать, она у меня вальс танцевать будет!»

— Впечатляет, не правда ли, адептка Ренау? — раздался

низкий, бархатистый голос из темноты ангара.

От этого звука волосы на моих руках встали дыбом. Из тени, неспешно натягивая на руки плотные перчатки для верховой езды, вышел мужчина. Чёрный военный сюртук идеально сидел на его широких плечах, а серые глаза мерцали в полумраке опасным, предвкушающим светом.

— Магистр эль Кроу? — пискнула я, отступая на шаг. — А что вы здесь делаете? Лили сказала, меня тут ждет тренер...

Губы декана изогнулись в хищной, полубезумной усмешке

— Вы совершенно правы, Маргарита, — негромко произнес он, подходя к клацающей зубами костяной твари и ласково похлопывая ее по морде. — С этого дня я ваш личный тренер. И поверьте... я вытрясу из вас вашу излишнюю самоуверенность до последней капли. В седло, адептка. Посмотрим, как вы умеете падать.

Глава 8

— В седло, адептка, — повторил магистр эль Кроу, скрестив на груди руки, обтянутые чёрной кожей перчаток. — Дерби Химер не прощает промедления.

Я сглотнула подкативший к горлу ком. Отступить было некуда — на кону стоял иммунитет от отчисления, а значит, и защита нашей с отцом мастерской от долга Бронсону в пятьсот золотых ливров. Я подошла к монстру, поставила ногу на костяной нарост, подтянулась и перекинула ногу через массивное седло, намертво вшитое прямо между гигантских лопаток виверны.

В ангаре гулял пронизывающий ледяной сквозняк. Я зябко повела плечами, искренне пожалев, что на мне лишь тонкая форменная мантия.

— Я готова, магистр, — стараясь, чтобы голос не дрожал, сказала я и взялась за жёсткие поводья. — Можете открывать ворота. Я... э-э-э... сделаю круг над ущельем.

Вместо того чтобы пойти к рычагу ворот, декан вдруг шагнул к виверни. Одно неуловимое, хищное движение и эль Кроу оказался в седле. Прямо позади меня.

Я ахнула, когда он прижался спиной к моей спине, а руку положил поверх моей ладони, сжимающей поводья. Моё сердце рухнуло куда-то в район желудка и забилось там с частотой крыльев колибри.

— Вы думали, я отпущу первокурсницу в первый полёт одну? — шепнул он мне на самое ухо. — Я буду контролировать вектор полёта. Ваша задача — удерживать Тьмой конструкцию зверя, чтобы он не развалился на первом же вираже.

— Я справлюсь, — сказала я скорее для собственного успокоения, хотя внутри понимала, что вся эта затея смертельно опасна.

— Докажите, — шепнул декан.

Огромные створки ворот со скрежетом поползли в стороны, открывая вид на бездонное ущелье, над которым клубился серый туман. Щёлкнул магический замок, и цепи, удерживающие химеру, со звоном упали на пол.

Мёртвые кости сами не прыгают. Огромная туша, лишённая поддержки, просто неуклюже накренилась и, как много-тонный мешок с кирпичами, начала заваливаться с края обрыва в пропасть.

«*Так, работаем шарнирами!*» — в панике скомандовала я себе.

Я хлестнула магией прямо по толстым буйволиным ремням на задних лапах твари. «*Сжаться! Натянуться как тетива лука!*»

Задубевшая кожа мгновенно напиталась силой. Стяжки резко и синхронно сократились с колоссальной мощью. Задние костяные лапы, повинаясь этому натяжению, с оглушительным хрустом распрямились, сработав как гигантская

пружина. Наша конструкция буквально выстрелила с края скалы, катапультировавшись в туман!

Ветер с рёвом ударил мне в лицо. Мы стремительно неслись вперёд и вниз. Я слышала, как от перегрузки зловеще затрещали пересохшие перепонки на крыльях, готовые порваться пополам.

Я закрыла глаза, мысленно потянулась к каждому дюйму драконьей мембраны и щедро плеснула в них свою реставрационную магию.

«Размягчить. Раскрыть. Натянуть как парус».

Сухие крылья напитались силой, потемнели и с громким, упругим хлопком распахнулись во всю ширь, ловя восходящий поток воздуха.

Падение резко прекратилось. Виверна взмыла вверх с грацией ласточки.

Полёт был... идеальным. Моя магия работала как совершенная амортизация, превратив монстра в гибкий, послушный и невероятно прочный летательный аппарат.

Я приоткрыла глаза и невольно улыбнулась, глядя, как мы рассекаем туманные облака. Это было потрясающе!

А вот магистру эль Кроу за моей спиной было не до веселья. Я чувствовала, как напряглось всё его тело.

— Что вы делаете? — резко спросил он, перекрывая шум ветра.

— Выполняю приказ! Держу конструкцию! — крикнула я в ответ.

— Вы не используете некро-удержание! — его пальцы жёстко перехватили мои запястья. — От зверя не фонит энергией смерти. Кости молчат! Нет сопротивления мёртвого духа. Химера летит так гладко, словно... словно она механическая! Как вы добились такой аэродинамики, Ренау?!

Я прикусила губу. Он слишком умён... Конечно, глупо было полагать, что магистр не заметит подвоха.

— Это... семейный секрет контроля материи! — попыталась выкрутиться я, используя старую отговорку.

— Семейный секрет? — в голосе Кроу зазвенела откровенная насмешка. — Что ж. Проверим ваш предел, адептка. Держитесь!

Он резко потянул поводья на себя и влево.

Виверна послушно завалилась на крыло и ушла в головокружительное, почти отвесное пике прямо на острые скалы ущелья. Перегрузка вдавила меня в седло. Свист ветра превратился в оглушительный вой. Скалы стремительно неслись нам навстречу.

— Выравнивайте её! — крикнул Кроу. — Если ваш «контроль» дрогнет хоть на секунду, нас размажет по камням!

Я стиснула зубы и влила в кожаные крылья весь свой резерв до последней капли.

Мембраны натянулись с гудящим звуком. В десяти метрах от острых пиков виверна плавно, без единого хруста, вышла из пике и взмыла вверх.

Я тяжело дышала, чувствуя, как по вискам катятся капли

пота от перенапряжения. Мы сделали это.

И тут случилось то, чего я никак не ожидала.

От невероятного выброса моей энергии, пропитавшей поводья, кожаные перчатки на руках декана Кроу... тоже отстранились.

Декан резко стянул с себя правую перчатку и голой ладонью, без всякого предупреждения, перехватил мое запястье, с которого всё ещё срывались остаточные искры магии.

Время словно остановилось. Огромная костяная химера ровно скользила в потоках ветра, а за моей спиной царила зловещая, напряжённая тишина.

— Тьма всегда холодна, Маргарита, — негромко, пугающе спокойно произнёс Дерек эль Кроу, нащупывая большим пальцем бешеный пульс на моём запястье. — Она пахнет тленом и вытягивает тепло из всего живого.

Он наклонился так близко, что коснулся губами моего виска.

— А ваша магия... горячая. Она пахнет древесной смолой и плавящимся воском.

Я резко втянула воздух, и в этот миг мой реставрационный контроль... дрогнул.

Всего на секунду я отпустила натяжение.

Раздался пугающий, громкий хруст. Кожаная мембрана правого крыла резко провисла, потеряв магический каркас. Огромную костяную виверну жестоко ударило встречным потоком ветра, и тварь с оглушительным скрипом завали-

лась набок, уходя в неконтролируемый штопор.

Порыв ураганного ветра с ревом сорвал меня с седла.

Я закричала, судорожно хватая воздух. Мир перевернулся. Серое небо и острые скалы поменялись местами, когда я полетела спиной вперёд в бездонную пропасть.

В последний миг, чудом вывернувшись в воздухе, я успела намертво вцепиться в толстый буйволиный ремень, свисающий с рёберного каркаса химеры.

Рывок был такой силы, что едва не вывихнул мне плечо. Искалеченная виверна стремительно падала в ущелье, а я болталась над бездной, судорожно сжимая кусок старой кожи, чувствуя, как мои пальцы медленно, но верно соскальзывают вниз.

Глава 9

Ветер ревел в ушах так, словно я оказалась внутри гигантской кузнечной турбины. Серое небо бешено вращалось перед глазами. Мои пальцы, побелевшие от напряжения, мёртвой хваткой вцепились в толстый буйволиный ремень, свисающий с брюха падающей химеры.

«Если я выживу, — в панике билась единственная связная мысль, — я больше никогда в жизни не буду жаловаться на запах дешёвого сапожного клея!»

Надо мной с жутким, деревянным скрежетом разваливалась на куски костяная виверна. Потеряв мою реставрационную подпитку, её старые кожаные узлы стремительно ссыхались прямо в воздухе. Мы падали в бездонное ущелье, и до острых скал оставались считанные секунды.

Моя левая рука дрогнула и начала соскальзывать с ремня. Я зажмурилась, готовясь к удару, как вдруг...

Что-то ледяное обхватило меня за талию. Это была не рука человека, а сгусток абсолютного, плотного мрака. Меня с силой дёрнуло вверх, прямо сквозь свистящий поток воздуха, и впечатало в твёрдую грудь.

Магистр эль Кроу чудом удерживался в седле накренившейся виверны. Одной рукой он направлял щупальце тьмы, которое намертво примотало меня к нему, а вторую вытянул вперёд, пытаясь влить свою некро-энергию в разваливающе-

гося монстра.

Но всё стало только хуже.

От соприкосновения с концентрированной, ледяной Смертью старые пересушенные кости твари начали покрываться инеем и трескаться с пушечным грохотом. Некромантия декана просто добивала хрупкий материал!

— Моя магия её сожжёт! — прорычал Кроу прямо мне в ухо, перекрывая вой ветра. — Тяните каркас, Ренау! Используйте свою... Магию, иначе мы оба превратимся в фарш! Живо!

Я вцепилась онемевшими пальцами в лацканы его чёрного камзола, зажмурилась и представила, что держу в руках самый жесткий, самый неподатливый кусок кожи в мире, который нужно растянуть на колодке во что бы то ни стало. Я с воплем выплеснула наружу весь свой резерв до последней капли.

Упругая, горячая волна бытовой реставрации ударила во все стороны.

Виверна над нами содрогнулась. Разлетевшиеся было суставы с чавкающим звуком втянулись обратно в пазы. Буйволиные ремни натянулись до звона, а перепонки на крыльях распахнулись с такой силой, что нас подбросило вверх, как на гигантских качелях.

Падение резко перешло в жесткое планирование. Мы пронеслись буквально в метре над острыми пиками, сббив костяным брюхом верхушки вековых сосен. Виверна с оглу-

шительным треском проломилась сквозь ветки и рухнула на мягкий, влажный мох на склоне ущелья, пропахав носом глубокую борозду.

Меня выбросило из невидимых пут Тьмы, и я кубарем покатилась по земле, собирая мантией грязь, иголки и шишки. Наконец, врезавшись спиной во что-то мягкое, я замерла, судорожно хватая ртом воздух.

В лесу стояла звенящая тишина, нарушаемая только тихим потрескиванием остывающего костяного каркаса химеры.

— Жива? — раздался хриплый, холодный голос в паре шагов от меня.

Я с трудом разлепила глаза. Магистр Дерек эль Кроу стоял, прислонившись плечом к стволу огромной сосны. Его идеальный чёрный сюртук был перепачкан в древесной смоле, волосы растрепались, а на бледной щеке алела тонкая царапина от ветки. Но даже в таком виде он выглядел не как пострадавший в авиакатастрофе, а как разъярённый тёмный бог, готовый вершить суд.

Он медленно, почти бесшумно подошёл ко мне. Присел на корточки, оказавшись на одном уровне с моим лицом.

— А теперь, адептка, — произнёс он. — Без сказок про древние проклятия. Без баек про тайный орден личей и импульсивную мантику. Кто. Вы. Такая?

От его взгляда по моей спине пробежал неприятный холодок, заморозив остатки воли. Я поняла, что пути назад нет.

Всё кончено. Мой обман раскрыт. Бронсон заберёт папину мастерскую, а меня с позором вышвырнут из Академии — если, конечно, этот страшный некромант не закопает меня прямо здесь, под сосной, за покушение на жизнь декана.

— Я сапожник, — всхлипнула я, обхватив колени руками и уткнувшись в них носом.

Тишина, повисшая в лесу, стала почти осязаемой.

— Простите? — декан моргнул, и на мгновение его идеальная маска ледяного спокойствия дала трещину.

— Сапожник! Реставратор обуви и бытовой утвари из Гильдейского квартала! — меня прорвало, и слова полились сплошным отчаянным потоком. — У моего отца долг в пятьсот золотых, нас хотели разорить, а статус адепта Тьмы даёт иммунитет от кредиторов! Я не тёмная жрица! Я не умею поднимать упырей! На полигоне я просто размягчила кожаные ремни учебного скелета, и он начал танцевать. За ужином я случайно увлажнила корочку запечённого поросенка, потому что она была пересушена. А на уроке у профессора Мортимера я перетянула крысе сухожилия, и она взорвалась от натяжения, потому что кость — это неэластичный материал!

Я зажмурилась, ожидая, что сейчас в меня ударит смертельное проклятие.

— То есть... — голос магистра прозвучал странно глухо. — Древний фолиант из кабинета ректора, покрытый высшим проклятием Иссущения, над которым лучшие умы Ака-

демии бились неделю...

— Я просто обработала его магическим обувным воском! — взывала я. — Потому что у него кожа на переплёте рассохлась! Это не проклятие, это нарушение структуры волокон!

Я открыла один глаз, чтобы посмотреть на своего палача. Магистр эль Кроу сидел на корточках посреди развороченного леса, глядя на меня совершенно немигающим взглядом. Затем он медленно закрыл лицо рукой в чёрной кожаной перчатке (той самой, которую я случайно «отреставрировала» в воздухе). Его плечи мелко затряслись.

Я вжалась в мох, решив, что у некроманта от шока начался припадок. Но через секунду поняла — он смеётся. Беззвучно, тяжело, почти пугающе.

— Милосердная Бездна, — выдохнул он, убирая руку от лица. В его глазах плясали совершенно безумные, азартные искры. — Ужас факультета Тьмы. Гений распада и энтропии, при виде которой вздрагивает Кассиан де Морт. Девочка, заставившая почернеть древний Кристалл... Обычный ремесленник.

— Отчислите меня, — понуро буркнула я. — Только, пожалуйста, дайте мне пару дней, чтобы отправить папе последние заработанные деньги. Я тут девчонкам туфли чинила по вечерам...

— Отчислить? — Кроу резко поднялся на ноги. — Вы поразительно наивны, Маргарита.

Он подошёл к разбитой виверне, поднял оторвавшийся

кусок буйволиного ремня и задумчиво повертел его в руках.

— Светлые маги не умеют работать с мертвой плотью. Некроманты видят только духовную энергию смерти, но слепы к физике процесса. Артефакторы понимают металл, но профаны в органике, — декан говорил так, словно рассуждал сам с собой. Затем он повернулся ко мне. — Ваш так называемый «бытовой» дар — это абсолютное слепое пятно для всей Высшей Магии. Никто не понимает, как вы это делаете. И именно поэтому вы мне нужны.

Я неуверенно поднялась, отряхивая мантию.

— Нужны... зачем? Чинить вам сапоги?

— У Академии проблемы, адептка Ренау, — голос декана упал до еле слышного шепота. — Серьёзные проблемы. Кто-то запустил вирус Иссушения. Он маскируется под естественное старение материалов. Защитные чары на границах территории висят на древних кожаных амулетах. Опоры в хранилищах артефактов — из морёного дуба. Всё это гниет, а мы не можем это остановить, потому что не понимаем природы разрушения.

Я нервно сглотнула. — Вы хотите, чтобы я втайне работала вашим... завхозом? И ремонтировала Академию?

Уголок его губ дрогнул в идеальной, опасной улыбке. — Я хочу, чтобы вы помогли мне найти того, кто портит этот инвентарь. Мы заключим сделку. Я молчу о том, кто вы такая. Я прикрываю ваши провалы. Ваша мастерская остаётся в безопасности от кредиторов. А вы подчиняетесь мне. Во

всём.

Он шагнул ко мне и протянул руку.

— И да. Вы всё ещё участвуете в Дерби Химер на следующей неделе. Нам нельзя ломать вашу легенду сумасшедшего гения.

Я посмотрела на разбитого в щепки костяного монстра, потом на протянутую руку магистра. Выбора у меня не было.

Я вложила свою испачканную в грязи ладонь в его руку.

— Согласна.

Глава 10

Утро началось с того, что Дора попыталась спрятаться от расписания в шкафу.

— Я не пойду на Некроботанику, — глухо доносилось из-за разошедшихся дверей. — Мадам Белладонна сегодня выдаёт для практики Удушающий Сухоцвет. Он питается страхом! Он меня сожрёт прямо с конспектом!

Я со вздохом открыла шкаф, выудила оттуда сопротивляющуюся банши и потащила её на занятия. В конце концов, после моего вчерашнего свободного падения в ущелье и заключения сделки с самым пугающим деканом Академии, какой-то сушёный сорняк казался мне сущей нелепицей.

Аудитория Некроботаники представляла собой мрачную, сырую оранжерею, где вместо привычного запаха цветов пахло прелой землёй и формалином. Мадам Белладонна, сухая, как жердь, женщина в мантии болотного цвета, с садистской улыбкой раздала каждому на парту по горшку. Из чёрной земли торчали толстые, переплетённые плети мёртвого, серого выюнка, усеянные острыми шипами.

— Удушающий Сухоцвет, — возвестила профессор. — Мёртвая, но крайне агрессивная флора. Ваша задача, адепты — используя энергию тлена, подавить его остаточные рефлексы и заставить плеть вытянуться по струнке. Приступайте!

Кассиан де Морт, как обычно, начал пафосно зачитывать заклинание на латыни. Его Сухоцвет взвился в воздух, попытался выколоть мажору глаз, но под напором магии сжался и послушно вытянулся на парте, словно палка. Бриджит просто рывкнула на свой выюнок и придавила его густым зелёным потоком силы, заставив обмякнуть.

Мой же Сухоцвет, почувствовав, что я не спешу бить его проклятиями, радостно зашипел, вытянулся из горшка и метнулся к моему горлу, намереваясь задушить.

Я перехватила колючую лозу голой рукой. Шипы больно впились в кожу.

«Сухая трава и мёртвое дерево, — вспомнила я правила своей бытовой магии. — Это же просто старый ротанг!»

Мой папа в свободное от обуви время обожал плести мебель из ротанга, и я знала технологию наизусть. Сухую лозу нужно размягчить, а затем задать ей жёсткую, переплетённую форму, чтобы она потеряла собственную упругость.

Я пустила по шипастому стеблю плотный реставрационный импульс. Сухоцвет под моими пальцами мгновенно обмяк, напитавшись силой. Я ловко перехватила его, согнула пополам, пропустила один конец под другой и принялась быстро, на одних рефлексх, переплетать мёртвые стебли между собой.

Спустя минуту на моей парте стояла идеальная, аккуратная плетёная корзинка для пикника с удобной ручкой. Шипы я предусмотрительно заправила внутрь плетения. Корзинка

тихо и жалобно поскрипывала, но расплестись уже не могла — законы физики и тугого плетения надёжно сковали мёртвую флору.

Над моей партой нависла тень. Мадам Белладонна смотрела на корзинку так, словно увидела пришествие Тёмного Властелина.

— Вы... вы не просто убили его волю, — прошептала она с благоговейным ужасом. — Вы сломали его физически! Вы унизили саму сущность этого хищника, превратив его жуткий труп в... в нелепый предмет быта! Какая изощрённая, садистская психологическая пытка материи! Высший балл, адептка Ренау!

Бриджит рядом со мной подавилась смешком, а я лишь скромно опустила ресницы, поглаживая ручку корзинки. Похоже, моя репутация психопатки от некромантии укреплялась с каждым днём.

Ровно в полночь, когда Башня Теней погрузилась в сон, я бесшумно выскользнула из своей триста тринадцатой комнаты и направилась к Северному крылу. Начиналась моя часть сделки.

Магистр эль Кроу ждал меня у входа в технические коридоры. Сегодня на нём не было пафосного камзола, только простая чёрная рубашка, закатанная до локтей, и тёмные брюки. В таком виде он казался ещё более опасным и... преступно привлекательным.

— Пунктуальность — редкое качество для мага, —

негромко произнёс он, бросив на меня пронзительный взгляд. — Идёмте. Сегодня мы проверяем опорные балки Купола Иллюзий.

Мы шли по узким, пыльным коридорам, освещая путь тусклым магическим светляком.

— Вы уверены, что диверсия реальна? — шёпотом спросила я, стараясь не отставать от его широкого шага.

— Вчера на полигоне рассыпался страховочный трос, сделанный из шкуры мантикоры, — сухо ответил Дерек. — Если бы там был первокурсник, он бы сломал шею. Кто-то целенаправленно бьёт по мёртвой органике, зная, что мы не сможем отследить магический фон.

Мы вышли на чердак, продуваемый всеми ветрами. В центре возвышалась массивная колонна, вырезанная из цельного ствола морёного дуба, исписанная защитными рунами.

Я подошла ближе и прищурилась.

— Ну конечно. Смотрите.

Я указала пальцем на основание колонны. Древесина там пошла мелкой, еле заметной белёсой паутиной, а руны исказились.

— Иссущение, — мрачно констатировал магистр. — Заклятие третьего круга. Если оно доберётся до сердцевины, Купол рухнет.

— Это не заклятие, магистр. Для меня это просто труха и короеды, — деловито хмыкнула я.

Я достала из кармана баночку с льняным маслом, щед-

ро мазнула по повреждённому дереву и прижала ладони к стволу. Мой импульс реставрации ударил в дерево. Волокна жадно впитали масло и магию, сжались, выталкивая белёсую гниль наружу, как инородный мусор. Дерево недовольно скрипнуло, руны вспыхнули ровным светом, и колонна стала выглядеть так, словно её только что установили.

Я отряхнула руки.

— Готово. С вас пять серебряных монет за срочный ремонт несущих конструкций.

Магистр Кроу тихо, искренне рассмеялся в темноте. Звук его смеха заставил стайку мурашек пробежать по моему позвоночнику.

— Вы совершенно невыносимы, Маргарита, — его голос стал бархатным.

Он протянул руку и аккуратно, почти нежно, стёр с моей щеки пятно древесной пыли. Я замерла, не в силах отвести взгляд от его серых глаз. На мгновение мне показалось, что он сейчас наклонится ещё ближе, но в коридоре за чердачной дверью вдруг раздался подозрительный шорох.

Кроу мгновенно отстранился, его лицо снова превратилось в ледяную маску.

— Уходим. Разными путями.

Я возвращалась в общежитие перебежками, чувствуя, как горят щёки от его прикосновения. Юркнув в коридор Башни Теней, я уже собиралась выдохнуть, как вдруг из ниши в стене отделилась высокая фигура.

Это был Кассиан де Морт. В окружении Люциуса и Селесты Блэквуд.

— Далеко ходили после отбоя, адептка Ренау? — протянул Кассиан, преграждая мне путь. Его глаза сузились, а на губах играла мерзкая, торжествующая улыбка.

— Искала вдохновение для новых проклятий, — холодно отозвалась я, пытаюсь обойти его.

— Не лги, — Селеста брезгливо скривила накрашенные губы. — Кассиан видел вас. Ты выходила из Северного крыла. Вместе с магистром Кроу.

Моё сердце пропустило удар, но я заставила себя лениво вскинуть бровь.

— И что? Я нахожусь под его личным контролем после инцидента с распределительным Кристаллом. У меня индивидуальные отработки.

— Отработки? На пустом чердаке? В полночь? — Кассиан издевательски расхохотался. Люциус за его спиной мерзко захихикал. — Я с самого начала знал, что с тобой что-то не так! Ни один нормальный маг не может взрывать кости взглядом без рунных кругов. Твоя сила — это фикция.

Он сделал шаг вперёд, нависая надо мной.

— Ты просто купила своё место здесь! Или... — он окинул меня сальным взглядом. — Расплатилась за него с деканом чем-то другим. Ты не тёмная жрица, Марго. Ты пустышка, которая греет постель магистру, чтобы остаться в Академии. И завтра утром об этом узнает весь факультет!

Я почувствовала, как внутри меня медленно, но верно закипает чистая, незамутнённая ярость. Мои пальцы, всё ещё хранившие остатки плотной реставрационной магии после починки дубовой колонны, сами собой сжались в кулаки.

— Знаешь, Кассиан, — тихо произнесла я, глядя ему прямо в глаза. — Сегодня на некроботанике я сплела из мёртвого хищника корзинку для пикника. Если ты завтра хоть пикнешь об этом... клянусь Бездной, я размягчу твои кости и свяжу из них макраме.

Глава 11

То, что моя гениальная ремесленная смекалка имеет пределы, я поняла на следующий вечер в секретной подземной лаборатории магистра эль Кроу.

Успешная ночная починка дубовой колонны и триумф с плетёной корзинкой на уроке слишком сильно вскружили мне голову. Мне начало казаться, что любую, даже самую чёрную магию в этой Академии можно победить с помощью обычного сапожного воска и правильного натяжения. Чувствовала я себя эм... Неуязвимой.

Но эта уверенность разбилась вдребезги едва я переступила порог лаборатории.

Согласно нашему уговору, Кроу перешёл к серьёзным делам. Посреди помещения освещённой холодным светом магических сфер, на каменном столе лежал Эгид — древний щит, закрывающий Северные Врата Академии от прорыва тварей из Бездны.

Выглядел он паршиво. Его основа из многослойной кожи василиска была поражена уже знакомой мне фиолетовой гнилью Иссущения. Проклятие буквально выедало целые куски, превращая бесценный артефакт в труху.

— Ваша задача, Маргарита, — негромко произнёс Кроу, скрестив руки на груди, — восстановить структурную целостность слоёв. Я буду держать магический фон стабиль-

ным, чтобы руны не сдетонировали. Начинайте.

Я самоуверенно хмыкнула, размяла пальцы и, не сомневаясь в успехе, прижала ладони к поражённой коже.

Мой привычный реставрационный импульс щедрой волной хлынул в артефакт. Первые две секунды всё шло идеально: гниль отступила, волокна начали стягиваться, приобретая первозданный блеск. Я уже собиралась победно улыбнуться магистру, как вдруг...

Фиолетовая паутина проклятия не просто вернулась. Она вспыхнула ослепительным, ядовитым пламенем!

Иссушение, почувствовав свежую, мощную энергию созидания, сработало как лесной пожар, в который плеснули ведро керосина. Проклятие набросилось на мою магию, пожирая её с пугающей скоростью.

— Отдёрните руки! — рывкнул Кроу.

Но я не могла. Проклятие вцепилось в мой магический поток, вытягивая его из меня силой. Кожа василиска на щите с оглушительным треском лопнула, разлетаясь в пыль, а фиолетовое пламя перекинулось на мои ладони.

Я вскрикнула от острой, обжигающей боли.

Магистр оказался рядом в долю секунды. Он голыми руками, не боясь ожога, перехватил мои запястья и ударил по ним концентрированной, ледяной Тьмой, отсекая пламя проклятия от моей ауры.

Я отшатнулась, прижимая к груди пульсирующие от боли, покрасневшие ладони, и с ужасом посмотрела на стол. От

великого артефакта Академии осталась лишь горстка воняющего серой пепла.

Дерек эль Кроу тяжело дышал. Его глаза опасно сузились, когда он перевёл взгляд с уничтоженного щита на мои дрожащие руки. Он молча подошёл к шкафчику, достал стеклянную банку с охлаждающей мазью и моток бинтов.

— Садитесь, — жёстко скомандовал он, указывая на табурет.

— Я... я всё сломала, — прошептала я, пока он осторожно втирал мазь в мои обожжённые ладони. Холод успокаивал боль, но от осознания провала на глаза наворачивались слёзы. — Моя магия не сработала.

— Потому что вы лечили симптом, а не болезнь, Маргарита, — ответил магистр, туго бинтуя мою правую руку. — Вчера ночью на колонне проклятие было слабым, и ваша реставрация просто вытолкнула его. Но здесь Иссущение въелось в самую суть. Это вирус-паразит. Вы дали ему самую чистую, тёплую энергию восстановления, и он просто сожрал её, чтобы стать сильнее.

Он завязал аккуратный узел на моём запястье и поднял мой подбородок, заставляя посмотреть ему в глаза.

— Вы ремесленник, а не богиня. Магию нельзя победить одним лишь обувным воском. Пока мы не найдём того, кто наслал Иссущение, и не уничтожим сам источник проклятия, ваш дар будет лишь кормить эту гниль. Идите в комнату. Сегодня вы мне больше не поможете.

Я брела по тёмным коридорам Башни Теней, чувствуя себя абсолютно раздавленной. Болели перебинтованные руки, гудело уязвлённое самолюбие. За ужином я даже не смогла отрезать себе кусочек любимого медовика, пальцы не слушались, и пришлось ограничиться чашкой травяного отвара.

Возле моей комнаты на подоконнике сидел огромный, пушистый чёрный кот с наглыми желтыми глазами. Этот местный мышелов, которого подкармливала половина факультета, лениво прыгнул на пол и потёрся о мои ноги, требуя внимания. Но у меня даже не было сил его погладить.

Я толкнула тяжёлую дверь с номером триста тринадцать, мечтая только об одном: достать со дна чемодана своё спрятанное письмо папе, приписать внизу, что я бездарность, и хоть немного поплакать в подушку.

Но, переступив порог, я замерла.

Моя кровать была перерыта. Соседка Дора сидела в углу, зажав рот руками и тихонько скуля от ужаса. А мой старый холщовый чемодан лежал на полу, распахнутый настежь. Замочки были безжалостно сорваны. Мои инструменты, шила, воск, колодки, валялись на ковре.

Но самое страшное — тайное отделение в подкладке было вспорото. И оно было пусто.

В кресле у окна, закинув ногу на ногу и вальяжно крутя в руках знакомый пергаментный свиток, сидел Кассиан де Морт.

— *«Я не некромантка... Я сапожник под прикрыти-*

ем...» — с наслаждением, растягивая каждое слово, процитировал мажор, глядя на меня поверх пергамента. — Знаешь, Ренау, я догадывался, что ты просто грязная мошенница. Но чтобы настолько? Дочь разорившегося башмачника с долгом в пятьсот ливров!

Внутри меня всё оборвалось и рухнуло в ледяную пустоту. — Отдай письмо, Кассиан, — хрипло сказала я, делая шаг вперёд, но обожжённые ладони предательски дёрнулись. Я даже магию сейчас применить не могла.

— С какой стати? — Кассиан встал, аккуратно сворачивая мой смертный приговор. Его глаза торжествующе блестели. — Это билет в один конец для тебя и всей твоей семейки. Как только ректор увидит это признание, с вас не просто снимут иммунитет. Тебя отдадут под суд за мошенничество с Кристаллом, а вашего кредитора натравят на мастерскую уже завтра утром.

Он подошёл вплотную, брезгливо глядя на мои забинтованные руки.

— Впрочем, я могу быть милосердным. Поэтому сделка такая: завтра на рассвете ты собираешь свои жалкие пожитки, пишешь добровольное заявление об отчислении «по семейным обстоятельствам» и тихо, как серая мышь, уползаешь из Академии. А мы с ребятами скажем, что ты струсила перед турниром.

Он похлопал меня свитком по щеке.

— До завтрашнего утра, Марго. Иначе ректор прочтёт

твое милое сочинение.

Кассиан круто развернулся и вышел из комнаты, оставив меня стоять посреди разбросанных сапожных инструментов.

Я опустилась на пол. Магия меня предала. Проклятие оказалось сильнее. Моя тайна раскрыта, и Кассиан загнал меня в ловушку. Если я сдамся — папа потеряет всё. Если останусь — сяду в тюрьму.

Мой взгляд упал на валяющуюся рядом кривую сапожную иглу и катушку суровых, пропитанных воском ниток. Я медленно сжала их в забинтованных ладонях, чувствуя, как отчаяние сменяется холодной, колючей злостью.

Глава 12

Не знаю, сколько я просидела на полу.

Кривая сапожная игла впивалась мне в бинт сквозь ткань, и эта тупая боль была единственным, что удерживало меня от того, чтобы завывать в голос. Вокруг валялись колодки. Одна из них, любимая, папина, с выжженным на пятке клеймом мастерской, откатилась под кровать и смотрела оттуда с немym укором.

В углу мелко, по-щенячьи скулила Дора.

— Прости, — наконец выдавила банши, не поднимая головы. — Марго, прости меня, пожалуйста. Я хотела закричать. Я правда хотела, я даже рот открыла. А потом Люциус на меня посмотрел, и у меня всё в горле... встало.

Она задохнулась и снова спрятала лицо в коленях.

Странное дело: чужие слёзы всегда действовали на меня отрезвляюще лучше любой пощёчины. Я отложила иглу, кое-как поднялась, шипя сквозь зубы, и доковыляла до её кровати.

— Дора. Посмотри на меня.

Она подняла зарёванное, опухшее лицо.

— Закричала бы — он бы тебя проклял прямо здесь. А письмо всё равно забрал. Ты ни в чём не виновата.

— Но я же банши, — прошептала она. — Я должна была...

— Ты должна была не пострадать. Ты не пострадала. Всё, вопрос закрыт.

Дора шмыгнула носом и осторожно, будто боясь сломать, обняла меня за плечо.

Я сидела, держа перебинтованные руки на весу, как две бесполезные варежки, и думала о том, что до рассвета осталось часов шесть.

Дверь распахнулась от удара ботинком.

— Так, — сказала Бриджит, боком протискиваясь внутрь. В одной руке у неё был жестяной фонарь, в другой — свёрток в пергаменте. — Люциус в общей гостиной хвастается, что завтра мы «избавимся от самозванки Ренау». Он вообще-то шёпотом хвастался, но у него шёпот как у полкового барабана.

Она обвела взглядом разгром: вспоротую подкладку, сорванные замочки, рассыпанные шила.

— Ага, — только и сказала Бри.

Потом присела передо мной на корточки, развернула пергамент и молча сунула мне в ладони кусок медовика. Я попыталась взять его пальцами и не смогла — бинты не гнулись, а под ними всё дёргалось. Бриджит так же молча забрала кусок обратно, отломила половину и поднесла к моему рту.

Вот на этом месте я и заплакала. Не от Кассиана. От медовика.

— Ну-ну, — Бри деловито похлопала меня по спине свободной рукой. — Реветь будешь потом, я тебе даже плечо

дам, у меня куртка непромокаемая. Сейчас говори, что он забрал.

— Письмо отцу, — я вытерла лицо о собственное плечо.
— Я написала ему в первый же день. Девочки и вы должны знать, что я не из тёмных, я реставратор. В письме папе я всё рассказала, про случайный выбор кристалла, про долг и в конце ещё и подпись поставила.

Дора издала тихий, обречённый писк. Стекло в оконной раме отозвалось нехорошим звоном.

— И спрятала в подкладке чемодана, — уточнила Бриджит.

— Да.

— В комнате, куда стучится половина Академии с рваными сумками.

— Бри.

— Молчу, — она поднялась и с хрустом потянулась. — Ладно. Иди к декану.

Я отвернулась к стене.

Мысль эта, конечно, пришла ко мне первой — ещё там, на полу, среди колодок. Пойти на верхний ярус, разбудить, рассказать. Он же сам сказал: я прикрываю ваши провалы. Он сам меня в это втянул, он бинтовал мне руки два часа назад, аккуратно, туго, завязывая узел на запястье с таким лицом, будто перевязывал не адептку, а разбитый вдребезги артефакт.

А потом сказал: «Вы ремесленник, а не богиня. Идите в

комнату. Сегодня вы мне больше не поможете».

И вот с этим «больше не поможете» я к нему сейчас не пойду. Не потому что гордая. Просто у меня внутри до сих пор что-то саднило от этих слов сильнее, чем ладони под бинтами.

— Не пойду, — сказала я. — Я сама.

— Чем? — резонно поинтересовалась Бриджит, кивнув на мои руки. — Ты вилку удержать не можешь.

Я не ответила. Я смотрела на пол.

Среди рассыпанных инструментов, между шилом и катушкой суровых ниток, лежал круглый брусок тёмного сапожного воска. Мой воск, варённый по папиному рецепту, с сосновой смолой и чуть-чуть льняного масла. Я мазала им швы, я запечатала им письмо, потому что сургуча под рукой не нашлось.

Я запечатала письмо своим воском.

А само письмо...

Я медленно подняла голову, и, кажется, у меня очень нехорошо изменилось лицо, потому что Дора отодвинулась.

— Девочки, — сказала я. — А из чего делают пергамент?

Повисла пауза.

— Из телячьей кожи, — осторожно ответила Бриджит. — Её вымачивают в извести, соскабливают мездру, натягивают на раму и скоблят пемзой, пока не станет тонкой. А что?

— То есть это выделанная кожа, — я говорила медленно, чувствуя, как внутри у меня, впервые за этот вечер, что-

то ровно щёлкает, как хорошо смазанный замок. — Тонкая, обезжиренная, на сухую растянутая кожа. Которую держит в форме только натяжение волокон.

— Ну да.

— Бри. Кожа помнит.

— Что она помнит?

— Форму, — я наконец улыбнулась, и улыбка вышла нехорошая. — Она всю жизнь была круглым боком тёплого телёнка. Её растянули в плоский лист насильно и высушили. У меня отец как-то за одну ночь загубил партию задников. Сушил у печи, а утром вместо кожи было двадцать сухих улиток. Они скрутились. Папа ругался страшно.

Бриджит дожевала свою половину медовика, сложила пергамент вчетверо, спрятала в карман и посмотрела на меня очень внимательно.

— Что нужно? — спросила она.

— Подойти к нему шагов на пять. Ближе не надо, дальше не возьму. И чтобы он в этот момент на меня не смотрел.

— Это можно, — Бриджит подхватила фонарь. — Он сейчас в крипте.

— Где?

— Под западным крылом. Там старая костница, у старшекурсников свой закрытый кружок, «Клуб Праха». Пафоса выше сводов: свечи, капюшоны, посвящения. Перед каждым большим событием собираются и жгут сальные свечи. — Она фыркнула. — Кассиан туда полгода набивался. Он

такое сокровище, как твоё письмо, в тумбочке держать не станет. Он его будет носить на поясе и всем показывать.

— В чём носить?

— В тубусе. У него боевой тубус из вываренной кожи, фамильный, с гербом. Заговорён от вскрытия чужими.

Я закрыла глаза. Вываренная кожа. Интересно.

— Идём, — сказала я.

Дора вцепилась в одеяло.

— Я... я не смогу. Там темно, там мёртвые, там Селеста...

— Дора, — я обернулась в дверях. — Оставайся, правда. Никто тебя не осудит.

Банши посидела секунды три. Потом со стоном сползла с кровати, замотала лицо шарфом по самые брови и пошла за нами, шёпотом перечисляя все способы, которыми мы сегодня умрём.

Лестница в крипту начиналась за старой прачечной, и её никто не охранял — видимо, потому что ни один нормальный человек туда добровольно не полез бы. Ступени были сырые, стёртые до блеска, стены сочились водой. На третьем пролёте нас бесшумно обогнал чёрный кот с наглыми жёлтыми глазами, тот самый, что вечно спал у меня на подоконнике. Он прошёл вперёд с таким видом, будто вёл экскурсию, и растворился в темноте.

— Плохая примета, — сообщила Дора в шарф.

— Он мышей ловит, — сказала Бриджит.

Мы вышли в низкий сводчатый зал, и я невольно задер-

жала дыхание.

Крипта была огромной. Вдоль стен тянулись деревянные стеллажи-костницы, и крышки на них были стянуты старыми, чёрными от времени кожаными ремнями крест-накрест. В центре, на каменной плите, горели десятка два сальных свечей, и вокруг них стояли фигуры в капюшонах, старательно держа руки в скорбных жестах.

Кассиан де Морт стоял ближе всех к плите, опираясь на свою трость с серебряным черепом. Плащ с алым подбоем он расстелил по камню, как коврик.

— ...и потому завтра, на рассвете, — вещал он, — факультет наконец узнает, кого ему подсунули. Я лично зачитаю это вслух. У главного входа. Чтобы слышали все, включая бытовиков.

— Кассиан, — недовольно протянула Селеста Блэквуд, кутаясь в мех. Пластырь с её носа наконец сняли. — А если декан...

— А декан узнает последним, — Кассиан похлопал по тубусу на поясе. Тёмный, лакированный, с тиснёным гербом. Мой смертный приговор лежал внутри, свёрнутый в трубочку. — Ему тоже будет полезно послушать.

Мы стояли в тени за крайним стеллажом. Пять шагов. Даже меньше.

Я посмотрела на Бриджит и кивнула.

Бри спокойно, без единого пафосного жеста, сложила пальцы в замок и опустила руку к полу. Где-то под дальними

стеллажами глухо, сухо застучало и через мгновение из темноты в круг света выкатились три крысиных костяка, деловито застучали лапками по камню и организованной колонной пошли прямо на «Клуб Праха».

— Кто это сделал?! — взвизгнул Люциус, отпрыгивая.

— Прах не терпит суеты! — рявкнул Кассиан, разворачиваясь спиной ко мне и тыча тростью в крыс.

Я подняла ладони.

Больно было сразу. Больно было так, что перед глазами поплыли зелёные круги, а сквозь бинт на правой руке медленно проступило тёмное пятно. Я стиснула зубы и всё-таки протянула тонкую, тугую нить силы через воздух — мимо капюшонов, мимо свечей, прямо к тёмному лакированному боку тубуса.

Свой воск я узнала бы из тысячи. Он был там, внутри. Крохотная капля на краю сложенного листа.

Я зацепилась за неё, как за узелок на нитке, и потянула.

Внутри тубуса что-то сухо, коротко хрустнуло.

Кожа письма села мгновенно — так садится испорченная заготовка у нерадивого подмастерья. Растянутые сотню лет назад волокна с наслаждением сжались обратно, лист свернулся сам в себя, скручиваясь в твёрдый чёрный рог, а чернила, которым больше не на чем было держаться, поплыли и слились.

А следом села и сама вываренная кожа тубуса. Швы стянулись, крышка вошла в горловину намертво, и по всему бо-

ку с тихим щелчком разошёлся аккуратный лаковый паучок трещин.

Всё. Заготовка была загублена. Отец бы мной гордился. Или всыпал.

Но, как обычно, на этом моя бытовая магия не успокоилась.

Импульс, вышедший из моих ладоней, был грубым, я не могла держать его тонко перебинтованными пальцами. Он выплеснулся волной и пошёл по крипте, ища всё, что когда-то было живым.

Сальные свечи вспыхнули втрое ярче и потекли жирными реками.

Старые кожаные ремни на костницах напитались силой и натянулись, как тетивы, разом, по всему залу — с длинным, протяжным скрипом, от которого заложило уши. Крышки поползли. Дерево застонало и распрямилось.

И вся будущая элита Империи с воплями кинулась к лестнице.

— Оно проснулось! — визжал Люциус.

— Мой плащ! — визжал Кассиан, у которого бархат под ногами внезапно расправился, задрался и попытался укутать хозяина, как заботливое одеяло.

Дора, до этого стоявшая в оцепенении, набрала полную грудь воздуха и издала тонкий-тонкий, дрожащий звук на самой границе слышимости.

Все двадцать свечей погасли одновременно.

— Ой, — сказала Дора в темноте. — Это я?

— Это ты, — с искренним уважением подтвердила Бриджит, подхватывая её за локоть. — Идём, звезда. Марго, за нами!

Я не пошла.

Потому что за секунду до того, как погас свет, я почувствовал

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.